

ТЕОРИЯ

Л.Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИИ ИСТОРИИ

§ 1. Политическая структура общества. § 2. Социальная структура общества. § 3. «Этнос» и другие категории в аспекте социологии истории. § 4. Общественное бытие и общественное сознание.

Государство... в широком смысле слова — это институт как таковой, в котором воплощается власть.

Ж. Бюрдо

Этническая общность представляет собой умозрительный конструкт...

Э. Шилз

Таким образом, тот факт, что каждый индивид живет в обществе, создает для него двойное предопределение: во-первых, он находит сложившуюся ситуацию, во-вторых, обнаруживает в ней уже сформировавшиеся модели мышления и поведения.

К. Манхейм

В этой главе собраны проблемы, каждая из которых требует специального и скрупулезного исследования, невозможного здесь. Те или иные их аспекты еще будут неоднократно затрагиваться в следующих частях книги. В данном же случае, чтобы завершить сооружение социологического «этажа» теории исторического процесса, я рассматриваю только некоторые подходы

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1-3

к анализу этих подсистем и намечаю отдельные направления их исследования. В частности, пытаюсь обратить внимание на методологические ошибки и неверные подходы, которые ведут к путанице и неадекватному объяснению реальности, являются во многом причиной топтания на месте вокруг ряда проблем. Одни трудности вытекают из объективизма, другие — из неразличения, во-первых, социологии и социологии истории, во-вторых, социологии истории и теории исторического процесса.

Есть смысл в этом введении к главе остановиться на трех методологических проблемах, подробнее рассматриваемых далее в параграфах, чтобы предварить их восприятие читателем и показать возможные пути их решения.

Неверное представление о законах и категориях как о почти прямом отражении реальности не позволяет достаточно точно исследовать их в рядах общего и особенного. Например, весьма часто государство определяют как «организацию», а классы и этносы как «большие группы (общности) людей». Спору нет, в них есть заметные черты соответственно «организаций» и «групп». Но ведь они в первую очередь **политические, социальные и этнические явления**. Вышеописанный же подход логически требует, чтобы дефиниция данных категорий отличала их и от всех вообще организаций (групп) и от других политических (социальных, этнических) организаций (групп). Сделать это крайне затруднительно, и в результате определения «хромают», а представление о месте данного явления в ряду других искажается. Поэтому, думается, и удобнее, и правильнее объяснять указанные категории через родовые к ним, но менее широкие, чем вышеприведенные понятия: соответственно **политическую, социальную и этническую единицы**, обладающие специфическими для каждого разряда свойствами. Разумеется, предварительно мы должны охарактеризовать эти единицы. Такая разбивка на операции облегчает задачу и избавляет от «необходимости» искать универсальные определения.

Указанные трудности особенно заметны в дефинициях понятия «этнос», в целом не удовлетворяющих этнографов. На мой

взгляд, уязвимость даваемых этносу характеристик как раз и связана с тем, что налицо попытка найти некий «индикатор», который выделял бы конкретный этнос из всех иных, как родственных, так и неродственных явлений, да еще бы позволял теоретически отграничить один этнос от другого. Найти универсальный отличительный признак, думается, невозможно, а вот создать алгоритм выделения сначала этнических единиц среди всех других, потом этноса от остальных этнических единиц, потом уже одного этноса от другого и т.д. — вполне по силам.

В отношении государства и этноса следует еще особо подчеркнуть, что эти понятия означают также и некий рубеж в развитии политической и этнической подсистем. И эти два аспекта также желательно разделить, чтобы не запутывать нашу задачу.

Опасность объективизма, подстерегающая любого ученого, заключается и в том, что на практике смешанное, нерасчлененное пытаются подогнать под чистые и яркие типы. Особенно это очевидно опять-таки на примере понятия «этнос» и других категорий этнического. Я не случайно поместил в эпиграф слова о том, что этническая общность есть особый умозрительный конструкт, а не некая сущность, имеющая совершенно самостоятельные и изолированные формы, как фактически следует из анализа многих работ.

В самом деле, нет (либо они редкое явление) **чисто этнических общностей**. Другими словами, можно говорить о нациях, но они существуют не сами по себе, а как ядро, составная часть, элемент государства и общества. Есть объединения, которые мы называем племенами, но это почти всегда не только этнические, но и хозяйственные, политические или другие единицы. Когда люди объединяются в национальные партии (общины и прочее) с определенной структурой, последние становятся одновременно политическими (культурными и другими) образованиями. Ведь невозможно представлять какой-либо народ этнически¹, но можно политически, культурно, конфессионально.

¹ Разве только как на балу в «ледяном доме» у царицы Анны, куда свезли для демонстрации представителей всех российских народов.

Этнос (народ), никем не представляемый, есть «этнос-в-себе» и, кроме того, что в плане этнического самосознания это не слишком развитая общность, есть одновременно и население, входящее в самые разные единицы. Недоучет сказанного ведет к бесконечным спорам, вроде того, является ли нация общностью политической или этнической. Тогда как она есть и то, и то сразу. Но в разных нациях и в различных ситуациях на первое место выходят то одни, то другие моменты.

Следовательно, в подобных случаях нельзя упускать из вида, что этническая общность есть одновременно и какая-то иная единица². Иногда этнические общности правильнее (удобнее) представлять социальными. Так, некоторые племена в Индии считались особыми кастами и, следовательно, были социальными (в узком смысле) единицами. И, напротив, социальные группы могли и по языку, и по обычаям, внешнему виду, одежде и другим чисто этническим признакам резко различаться между собой (скажем, высшие сословия от низших). **Следовательно, выделение какого-то аспекта смешанной единицы как основного во многом связано с поставленной задачей.** Поэтому необходимо перейти от поиска универсальных и везде равных себе категорий к разработке методик приложения теории к реальности.

Иными словами, я ни в коем случае не подвергаю сомнению реальность этнической стороны действительности, которая, кстати говоря, тем заметнее, чем сильнее дифференцированы функции в обществе. А лишь подчеркиваю мысль о том, что, выделяя в чистом виде данное качество (этничности), невозможно ожидать тождества теоретической модели и действительности.

Другая крайне важная проблема связана с недоучетом (тем более прямым отрицанием, основанным на идее универсальности законов) того, что существуют разные по перспективности и

² Соответственно это касается и остальных общественных единиц, хотя и в разной степени.

потенциям линии исторического развития, причем нередко переход от тупиковой линии к исторически прогрессивной крайне затруднен, а то и вовсе в качестве самостоятельного невозможен. Сказанное касается очень широкого круга явлений. Но рассмотрим его на примере эволюции политических форм. Существует и в зарубежной, и в отечественной науке тенденция полагать, что процесс генезиса государства шел от родовых (локальных) групп к слабо консолидированным племенам³, а затем к племенам или союзам племен с централизованной властью (вождествам). А уже от них к примитивным ранним (и небольшим) государствам, которые могли со временем слиться в крупное... Указанным стадиям соответствуют эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества. Нет необходимости останавливаться на том, что эта схема подвергается в той или иной степени критике. Существеннее, что многие считают ее «достаточно эффективным рабочим инструментом потестарно-политико-этнографического исследования»⁴. Думается, что в описанной теории смешаны как весьма верные и ценные наблюдения и выводы, так и неправомерное объединение стадий разнонаправленных линий эволюции. Практически же речь идет о следующем.

Естественно полагать, что обычно племя было крупнее локальной группы. Вождество могло быть равно или больше племени (если в нем объединялось несколько племен). В раннем же государстве консолидировалось (инкорпорировалось) несколько вождеств.

Совершенно очевидно, что не все племена становились вождествами и, и не все вождества — государствами, а лишь меньшинство. Однако неявно как бы полагается, что потенциально каждое из этих образований могло стать следующим на эволю-

³ Здесь нет возможности объясняться, что понятие племени не имеет строгого значения в науке. Некоторые ученые, например Л.С. Васильев, вообще полагают, что нежелательно говорить о племени, если в нем нет централизации. В любом случае унификация названий таких единиц была бы очень полезной.

⁴ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 14.

ционной лестнице, подобно тому, как каждая икринка может стать мальком, хотя фактически из сотен икринок в малек превращается едва одна. На самом деле, ситуация здесь совсем иная. Поскольку речь идет о переходе в качественно иную стадию, о появлении принципиально нового, можно смело утверждать, что лишь меньшинство и в принципе могло стать при реальных условиях более высокой формой⁵. Фактически же подобным образом реализовывалось лишь меньшинство меньшинства политических единиц. Большинство же образований, достигших зрелости в пределах своей стадии, как правило, не в состоянии были перейти на новый прогрессивный этап или потому, что у них не было необходимых потенций, или потому, что существовали некие дефекты в их конструкции, или потому, что система была слишком жесткой, чтобы легко трансформироваться, или требовались такие условия, которые не возникали, или по другим причинам.

Однако многие из этих образований отнюдь не застывали на месте, а развивались. Только их развитие было во многом не таким, как в направлении генеральной линии, описанной выше. В результате, пропустив удобный момент (или не дождавшись его), они превращались в своего рода «переростков», уже не походя, допустим, на «нормальные» вождества, но и не становясь государствами в нашем понимании, а лишь представляя определенные их аналоги по некоторым функциям. Здесь можно с поправкой на отличие социального от биологического говорить о законе необратимости эволюции. Поэтому таким «переросткам» уже часто было много труднее стать государством (вождеством и т.д.). Однако исследователи таких обществ сплошь и рядом их характеризуют не как параллельные генеральной линии явления, а как предшествующие государству (вождеству) стадии. Следовательно, и ряд моментов, нехарактерных (или необязательных) в принципе для развития по «генеральной линии» начинают

⁵ Подобно тому, как из всех видов приматов только немногие были подходящими для антропогенеза.

считать, напротив, **закономерной стадией на пути к новому качеству. И тем самым параллельные эволюционные процессы объявляются последовательными, а наши представления об исторических закономерностях искажаются.**

Ошибки эволюционистов прошлого, полагавших, что ситуации, достигнутые у **тех или иных народов**, есть универсальные стадии эволюции **всех** народов, продолжают иметь место. Между тем должно быть ясно, что, поскольку развитие идет неравномерно, прорыв происходит прежде всего в узких местах необычного. Поэтому перейти самостоятельно к новому этапу способны лишь немногие. Образно говоря, эволюция не широкая лестница, по которой раньше или позже могут подняться в одном направлении все, а сложный лабиринт, выход из которого находят лишь некоторые.

Следовательно, реконструируя процессы по современным наблюдениям, нужно опасаться принять «переросток», боковую линию или гибрид за необходимую стадию, между тем как настоящая роль каких-то моментов и особенностей исказится или ускользнет из внимания. Поэтому нередко истинная магистральная линия исторического процесса подменяется совсем другой.

Так, я думаю, что образования, подобные ирокезской конфедерации, которая была сравнима в ряде отношений с крупным вождеством (а по численности даже и небольшим ранним государством⁶), выступали как его аналог. И неверно признавать такие потестарные союзы закономерной стадией, предшествующей вождеству, поскольку это, скорее, параллельная ему боковая ветвь, отошедшая от магистрального пути из-за чрезмерного «разделения властей». Точно так же целый ряд объединений племен, насчитывающих десятки, а то и сотни тысяч человек и сравнимых и по величине, и по степени социально-культурного

⁶ Морган в «Лиге ирокезов» говорит, что существуют большие расхождения в определении их численности. Сам же полагает что к 1650 г. ирокезов было 25 тыс. человек (*Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983. С. 21-22*). В «Древнем обществе» он уже более осторожен, заявляя, что численность их никогда не превышала двадцати тысяч душ, если когда-либо достигала этой цифры (*Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 74*).

развития с мелкими (а иногда и средними) государствами, могли не превращаться в государства долгими столетиями (или вовсе никогда). Но неправомерно их поэтому считать догосударственной стадией, равной по уровню вождеству. Нет, это боковые ветви эволюции, параллельные раннему государству, или, по крайней мере, представляющиеся таковыми в определенном временном отрезке.

Но поскольку социальная эволюция не столь жестка к своим формам, как биологическая, некоторые из этих «переростков» сохраняют шанс вернуться на магистральную линию развития. Однако чтобы они стали «проходными», нужны уже **совсем иные (во многом иные) условия, чем раньше**. Так, слишком большое «вождество» может захватить целую страну и образовать государство, в котором окажется правящим слоем. Но, однако, для этого нужно, чтобы была такая ослабевшая страна и чтобы предприятию сопутствовал военный успех. При наличии нужных условий то, что было прежде недостатком, может стать достоинством. И тем самым открывается как бы «**запасной путь**» (их может быть несколько) для отставших обществ. Но, во-первых, это уже совсем иной процесс, чем представлялось ранее, поскольку аналог государства превращается сразу в крупное государство, минуя этап мелкого. А во-вторых, большинство таких «переростков» все же ожидает историческая неудача и они не в состоянии сыграть активную роль в процессе политогенеза.

Конечно, не хотелось бы создать представление, будто я считаю, что исследователи рисуют однолинейную схему движения к государственности. Нет, в трудах специалистов-этнологов картина выходит как раз достаточно пестрой (хотя у многих обществоведов она, действительно, весьма упрощена). Но добросовестность ученых-практиков, считающих невозможным замалчивать факты, приходит у них же в противоречие с невольной опорой в теории на указанную не во всем верную схему. Предложенный выше подход, напротив, делает наши представления и о типах политических единиц, и о путях их эволюции, взаимного перехода и прочего гораздо более адекватными реалиям и устраняют некоторые теоретические трудности (в част-

ности «необъяснимость» слишком высокого развития ряда «догосударственных» обществ).

Разумеется, следует обратить внимание и на другие методологические проблемы. Например, недостаточный учет того, что институты и явления, существовавшие в одну эпоху, уже не идентичны по свойствам аналогичным по названиям институтам и явлениям другой эпохи, а иногда отличия радикальны. Следствием этого бывает перенос более развитых или более заметных свойств на архаичные, переходные и тому подобное явления. В отношении собственности мы разбирали это подробно и еще коснемся в своем месте. Нечто подобное наблюдается и в отношении определений государства, этноса, классов и т.д.

§ 1. Политическая структура общества

Признавая общество системой, мы должны предположить, что в нем имеются определенные силы, препятствующие центробежным тенденциям. И они, действительно, есть. Причем природа их разнообразна. Во-первых, существует взаимная экономическая и иная зависимость людей, групп и районов друг от друга. Во-вторых, этнические и цивилизационные связи (родственные, языковые, культурные, религиозные и пр.). В-третьих, некие географические моменты, способствующие единению. Но все эти связи, в некоторых отношениях исключительно прочные и долговечные, не в состоянии сплотить достаточно крупные массы людей в действительно единый организм без креплений политических. Поэтому как только людей становится больше, роль власти как интегрирующей и объединяющей силы увеличивается. Ведь будучи системой относительно замкнутой и самодостаточной, общество должно иметь и определенный центр, который выполняет роль координирующей и объединяющей основы⁷. Власть и создает такой центр или ядро, вокруг которых структурируется общество.

В государственный период подобным центром чаще всего выступает государство, которое так или иначе навязывает свою

⁷ «Каждое общество, рассматриваемое под микроскопическим углом зрения, может быть представлено как центр и периферия» (*Шилз Э. Общество и общества: макроскопический подход // Американская социология. Проблемы, перспективы, методы. М., 1972. С. 348*).

волю обществу⁸. По мнению Ж.Бюрдо, без достаточно деятельной власти общество есть неподвижное тело, неспособное удовлетворять своему назначению, которое есть постоянное действие. Власть — явление, характерное для любого, в том числе и догосударственного периода, хотя сила и способы ее осуществления, очевидно, должны быть пропорциональны масштабу. Если в малых коллективах достаточно авторитета, то в крупных требуются иные рычаги власти. Понятие это вообще весьма широкое, многозначное. Определяют его по-разному. Парсонс, например, характеризует власть как «способность общества мобилизовывать свои ресурсы ради достижения поставленных целей, как «способность принимать решения и добиваться их обязательного выполнения»⁹.

Политическая власть есть особое устройство (свойство) общества, благодаря которому одна его часть может принимать или проводить решения в жизнь, подчинять своей воле все общество. Эта власть может быть безликой (оправдываться обычаями, законом, божественной волей), выступать в виде группы руководителей или быть олицетворенной, персонифицированной в монархе, президенте, диктаторе, вожде и т.п.

В примитивных обществах власть, как и другие явления и институты, мало расчленена и дифференцирована. Она также и мало концентрирована. В первобытных социальных организмах во многих случаях вырабатывались достаточно устойчивые системы управления и создавались своего рода системы «сдержек и противовесов», препятствующих концентрации власти в одних руках. Подобной демократией у ирокезов восхищался Морган, подробно описывая процесс управления у них, требовавший единогласия, длительных консультаций и особых процедур. Но

⁸ «Подобно религии, правительства играют в жизни общества уникальную и необходимую роль, но в противоположность религии, которая обеспечивает духовную интеграцию, выражающуюся в верованиях и ритуалах, правительство организует общество посредством законов и власти. Более того, оно ориентирует общество на реальный, а не на вымышленный мир» (*Девис К., Мур У.Е.* Цит. по: Социология. Хрестоматия / Авт.-сост. О.Н. Козлова и др. М., 1993. С. 145).

⁹ *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 525.

такое образование, неспособное аккумулировать свои силы выше определенного предела, было обречено на застой. Отделение власти политической и административной от общества, что и составляет процесс образования государства, было в этом плане огромным шагом, позволяющим концентрировать силы более эффективно. Переходным моментом к нему обычно считают вождество, подразумевая под этим термином достаточно централизованное, социально дифференцированное и стратифицированное племя (или группу племен) во главе с обладающим значительной властью наследственным вождем и имеющее иерархическую систему управления. Сейчас нет необходимости входить в тонкости характеристик этого довольно сложного и весьма неопределенного термина и им выражаемого явления. Об этом пойдет речь в третьей части, так же как и об устройстве догосударственных обществ и их политических единиц. В данном параграфе я хотел бы сконцентрироваться только на некоторых проблемах: на определении государства и его отличиях от до- и негосударственных политических единиц; на анализе понятия «аналоги раннего государства»; а также немного коснуться вопросов о происхождении государства и его соотношения с цивилизацией.

М. Блок писал: «Один схоласт говорил о власти, что у нее «нос из воска — он одинаково легко гнется налево и направо»¹⁰. Это можно отнести не только к беспринципности власти, но и к тому, что государственная машина нередко бывает достаточно гибкой. Государство в зависимости от указанных выше и других причин может выступать как надклассовая, независимая сила (например в абсолютной монархии); как организация определенного правящего класса, даже как машина, «экипаж» которой постоянно меняется (при демократии). В последнем случае нередко оно является «исполнительным комитетом» (Маркс) аристократии, граждан-рабовладельцев, буржуазии и т.д. Зато, если государственный аппарат автономен, может сформироваться

¹⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 105.

особый класс управленцев-чиновников. При частых завоеваниях оно напоминает крепость, гарнизон которой после победы меняется, и т.д.

Многие государства возникали как своего рода надстройки над обществом, требуя лишь покорности и выполнения повинностей, не вмешиваясь в местные дела. Иногда на местах все оставалось почти по-прежнему в течение столетий. Но много было государств тотальных, которые контролировали все, в том числе и частную жизнь граждан. Мы наблюдали его в нашей стране. Однако и вообще «современному государству свойственна врожденная тенденция все глубже вторгаться в дела общества, если на его пути нет никаких установленных законом барьеров»¹¹. Очевидно, что чрезмерный административный контроль в современную эпоху вреден, поскольку делает власть негибкой, а людей пассивными.

От того, каково государство, напрямую зависит влияние его правителей и органов на жизнь общества. Иногда малейшие колебания наверху отражаются с огромным усилением внизу, на всем хозяйстве, иногда, как это бывает на море, бури на глубине почти не слышны¹². Иногда политика и другие отношения достаточно легко различимы. Иногда нет, если государство охватывает все. Тогда каждый акт его — политический и одновременно хозяйственный, или религиозно-идеологический, или судебный и т.п. Такая ситуация свидетельствует или о неразвитости государства, или о его гипертрофии. Важны и способы закрепления порядка: с помощью законов или террора; национального, религиозного или экономического давления и т.д. Тип

¹¹ Бергер П. Капиталистическая революция. М, 1994. С. 102.

¹² «Основой политического строя (в Индии. — Л.Г.) была самоуправляющаяся деревня, которая сохранилась без существенных изменений, в то время как правители приходили и уходили. Новые переселения извне и захваты затрагивали лишь поверхность этого строя, но не его корни» (Неру Д. Открытие Индии: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. С. 223-224).

«Власть государства (в Индии. — Л.Г.) при всем ее внешнем деспотизме обуздывалась тысячами обычаев и законодательных ограничений, и ни один правитель не мог свободно нарушать права и привилегии сельской общины. Эти основанные на обычае права и привилегии обеспечивали известную свободу как общине, так и личности» (Там же. С. 224).

и форма государства сильно зависят от того, куда сдвинут баланс власти, каковы его функции, степень централизации и прочее (и наоборот).

Современные государства географически чаще всего совпадают с обществом в целом, но как системы они полностью не совпадают, хотя бы потому, что одновременно на территории государства находятся граждане других стран, а собственные могут быть за рубежом. Тем не менее в нынешнюю эпоху эти понятия нередко довольно трудно разделить¹³.

Проблема определения государства, как и ряд ей аналогичных, осложняется большими различиями в подходах к тому, что, собственно, и с какой стороны определяется. Существует множество дефиниций. Нет смысла говорить о чисто юридических, либо политологических, поскольку они обладают как собственной спецификой, так и тем, что характеризуют развитое государство, имеющее разветвленный аппарат управления, четкую территориальную структуру, право и многое другое¹⁴. Не буду также останавливаться на его толкованиях как некоей идеальной субстанции, вроде гегелевского, что «государство есть божественная идея как она существует на земле»¹⁵, или на том, что в нем реализуется дух нации и т.п. Остановимся на тех, что более или менее близки к социологии истории. В марксизме оно определялось как особая организация (аппарат, машина и т.п.), которая служит интересам господствующего класса и создана для того, чтобы держать эксплуатируемых в подчинении. Нет со-

¹³ По этому поводу известный политолог Х. Кун пишет: «Исторические ситуации, в которых возникло противопоставление государства и общества и тем самым публичного и частного права, в настоящее время не существуют. Таким образом, их различие, лежавшее в основе понятия общества, стало затруднительным» (Цит. по: Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. М., 1982. С. 282).

¹⁴ М. Вебер отмечал: «Вообще «государство» как политический институт с разработанной «конституцией», рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на «законы», управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известны только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах» (*Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 47).

¹⁵ *Гегель Г.* Философия истории. Соч. Т. VIII. С. 38.

мнения, что эта функция, особенно в доиндустриальных государствах, была важнейшей. Однако несомненно и то, что в демократических странах (да и во многих недемократических индустриальных) оно уже давно выполняет прежде всего иные задачи. Это и дает основания говорить о государстве как об особой надклассовой силе.

Но так или иначе, однако определенное насилие — извечный и характерный признак государства. М. Вебер подчеркивал эту сторону, но делал упор именно на легитимности насилия. Он говорил: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство»¹⁶. И все же думается, что для ряда древних и средневековых обществ марксо- определение точнее. Да и XX век наглядно продемонстрировал в тоталитарных режимах эту его черту организованного и жесткого насилия одних групп и наций над другими. Ведь при систематических грабежах или диктатуре понятие легитимности мало пригодно, «закон» здесь — прямая воля и сиюминутная целесообразность власть имущих.

Среди современных западных ученых, занимающихся проблемами происхождения и становления государства, при многочисленных расхождениях во взглядах на этот процесс, в отношении черт государства вообще есть ряд моментов, с которыми согласны почти все. Во-первых, что это «управление профессионалами» (Витфогель). На мой взгляд, управление профессионалов суть то же, что и наличие особой организации, отделенной от народа, — черта, которую Маркс и Энгельс считали обязательной для этого института. Во-вторых, наличие специальной управленческой функции и административного аппарата, по крайней мере верхнюю часть которого и составляют профессионалы. В-третьих, вслед за М. Вебером подчеркивается легитим-

¹⁶ Вебер М. Указ. соч. С. 646.

ность насилия¹⁷. В принципе по этому поводу можно сказать то же, что и об отношениях собственности: чем больше насилия, нестабильности и прочего, тем меньше можно применять понятие легитимности.

Универсального для всех случаев определения государства, как очевидно, быть не может, поскольку в рамках поставленных задач приходится делать акцент на те или иные моменты, не говоря уже о том, что объединение в одной категории столь разнообразных явлений всегда означает определенные предпочтения. К тому же это развивающийся и меняющийся во времени институт, да и представления о нем эволюционируют.

Для наших целей, с учетом общих параметров социологии истории, будет правильным поставить перед такой дефиницией следующие задачи: 1. Показать отличие государства от других политических единиц: а) догосударственных; б) параллельных ему на ранних этапах (аналогов); в) негосударственных и надгосударственных. 2. Принцип, взятый за основу определения, не должен мешать классифицировать государства по периодам и типам; входить в резкое противоречие с теорией исторического процесса.

Тогда, прежде всего, нам нужно понять, что такое **политическая единица**. Ведь как уже сказано, рациональнее определять государство именно через родовое ему понятие. Во-первых, это властные образования и организации, т. е. либо обладающие властью, либо стремящиеся ее перераспределить. Макс Вебер определял политику как «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей,

¹⁷ «Главная характеристика, которая отличает государство от других форм социальной организации, — заключают Г. Клессен и П. Скальник, — это политическое господство, легитимная сила навязывать решения». Причем имеются в виду не только классовые «по вертикали» формы господства, но и общая зависимость всех подданных от насильственных средств принуждения» (*Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства// Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991. С. 68*).

которые оно в себе заключает»¹⁸. Вот эта деятельность и борьба вокруг распределения и, добавим, за ее использование в каких-то целях и составляет важнейшую черту политических единиц, в том числе и догосударственных¹⁹.

Во-вторых, эта власть **неспециализированная**, т.е. жестко не связанная лишь с определенными задачами и сторонами. Политическая власть может заниматься любой проблемой и формировать специальные органы, но в целом по функциям строго не определена, общесоциальна. Другими словами, если политическая единица специализирована, то она часть более широкого целого, а если самостоятельна, то не может замыкаться в узких рамках. Отметим также, что политическая власть стремится в своих пределах либо к верховенству над другими видами власти, либо к их ограничению, регулированию, отчленению²⁰.

Политическая единица, следовательно, — **это единица, которая участвует (стремится участвовать) в распределении и использовании власти либо самостоятельно, либо как часть общей системы путем общего и административного управления социальным организмом и представления его вовне.** Таким образом, политические единицы объясняются через власть. В государстве же связь с властью особенно очевидна и почти всеми подчеркивается.

Итак, не претендуя на универсальность, **государство можно определить как особую достаточно устойчивую политическую единицу, представляющую отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующую на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением вне зави-**

¹⁸ Вебер М. Указ. соч. С. 646.

¹⁹ Для характеристики догосударственной системы власти отечественные специалисты предложили особый термин «потестарная организация» (от лат. potestas — «власть»).

²⁰ Проблема различения политической и иных форм власти в принципе, та же, что и разграничения разных сфер. Заметим только, что любая другая форма власти, переходящая от специальных задач (получения прибыли, отправления культа и т.п.) к попыткам распространить свое влияние на все общество, неизбежно приобретает политические черты.

симости от согласия последнего; имеющую силы и средства для осуществления своих претензий.

Дадим развернутые пояснения к данному высказыванию. В-первых, контакты власти и населения должны быть регулярными и воспроизводимыми, а не эпизодическими. Это позволяет различать государство и временную оккупацию, военные набеги, чисто даннические (межобщественные) отношения, хотя граница между последними и ранним государством весьма зыбкая.

Во-вторых, власть отделяется от дееспособного населения. И этот разрыв, формирующийся уже на последних стадиях родоплеменных образований, очень заметен. Даже если высший слой в государстве составляют воины-завоеватели, то и тогда административный аппарат намного уже его, не говоря уже об оттеснении покоренного населения от политики.

Власть монополизируют одни и те же лица или группы либо они сменяются при выборах. Но в любом случае имеется тенденция к сосредоточению управления в руках профессионалов²¹, более сильная, чем это наблюдалось в догосударственный период. Создается аппарат управления и — что особенно важно для характеристики государства — аппарат насилия (а очень часто они совпадают) с необходимой иерархией и мобильностью. Иногда им становилась военная организация завоевателей, нередко инкорпорируя в себя и старые общинноплеменные структуры. В любом случае он является как бы арматурой, которая не дает обществу распасться и уклониться от пути, намеченного властью. Но, само собой, что по степени влияния на общество, развитости аппарата и многого другого государства и в пространстве и во времени различаются колоссально.

Таким образом, власть в государстве приобретает «институциональные черты, придающие «жесткость» во времени и в про-

²¹ Это надо понимать широко, т.е. не как обязательно умелое управление, а как возможность заниматься политикой только узкому кругу лиц, либо по праву родovitости, знатности и т.п., либо потому, что такое занятие требует особой подготовки, средств, условий.

странстве»²² в виде особого аппарата управления и принуждения. Институционализацию власти нередко характеризуют как специфическое явление именно для государственной фазы политогенеза. Это не совсем верно, поскольку и прежние органы власти можно считать институтами (например, если правила и церемонии деятельности совета племени или конфедерации были детально расписаны, а сами эти органы воспроизводились в течение столетий). Но, безусловно, развитие системы власти теперь идет на новой основе, а институционализация органов насилия — явление, почти не характерное для прежнего периода. В-третьих, государственная власть — власть верховная, стремящаяся подчинить себе любую другую²³. Иногда это предполагает почти полное изъятие у населения и его низовых организаций каких-то полномочий, иной раз — делегирование определенным объединениям, корпорациям тех или иных прав, но хотя бы номинальное первенство должно оставаться у правительства.

В-четвертых, важен источник претензий на осуществление верховного руководства. Такова может быть воля населения («воля богов»), особые качества правителя, право завоевания и пр. Нередко государство рассматривалось как личное владение (домен) определенной династии или лица. Эти основы должны способствовать регулярному воспроизводству власти. Но как бы там ни было, в любом случае управление больше или меньше опирается на силу. Любая власть не существует без силы, но в государстве это особенно важно. Недаром его определяли как **аппарат насилия**. В развитых странах есть тенденция к тому, чтобы монополизировать в руках властей право на применение насилия, хотя редко бывает так, чтобы это право было абсолют-

²² Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 59.

²³ Немецкий социолог Г. Хеллер определял государство как постоянно самообновляющуюся структуру, «господство которой упорядочивает общественные акты в определенной сфере и последней инстанции» [Цит. по: Современная буржуазная политическая наука... С. 286.] (выделено мной. — Л.Г.).

но монопольным (так, закон может разрешить гражданам причинение вреда преступнику при самообороне и в некоторых других случаях).

В-пятых, государство может требовать выполнения самых различных действий и повинностей. Но помимо военной службы чаще всего это налоги (дань) и какие-то работы. Ибо без материальных ресурсов управление немислимо²⁴.

В-шестых, оно само становится своего рода «сепаратором» избыточного продукта, либо облегчая его концентрацию в руках определенных лиц и групп, либо делая это самостоятельно. Поэтому государство предполагает неравенство (эксплуатацию) либо по признаку близости к власти и аппарату, либо как способ защиты иного неравенства административно-силовым (правовым) путем²⁵.

В-седьмых, отметим, что чем больше претензии власти и реальность совпадают, тем больше можно говорить о государстве. Иначе возникают коллизии разных властей (децентрализация, спорная территория, сепаратизм, номинальная власть, восстания и т.п.).

Посмотрим теперь (с учетом уже сказанного), чем, согласно вышеприведенному определению, отличаются до- и государственные образования. Однако надо помнить, что, поскольку и те, и другие есть политические единицы, у них неизбежно должно быть много общего. Поэтому не стоит ожидать, что в

²⁴ «Государство — это нечто весьма реальное; это система сил, которые поддерживают равновесие или навязывают его с помощью насилия и репрессий. А для того чтобы существовать как такая система сил, государство должно было обрести и экономическую мощь, будь то с помощью грабежа или завоеваний, военных контрибуций или на основе непосредственного владения доменами, или же в результате постепенного накапливания средств, как это позволяет современная налоговая система... В этой экономической мощи, столь возросшей у современных государств, и заключается основа их способности к действию. Отсюда следует, что в результате нового разделения труда государственные функции обуславливают возникновение особых сословий, т.е. особых слоев, включая сюда и паразитические» (*Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 147*).

²⁵ «Существует также согласие в том, что обмен услугами между управляющими и управляемыми в раннегосударственных обществах носил неэквивалентный характер: власть всегда брала себе больше, чем ей причиталось за выполнение ею организационных функций. Это признает даже Э.Сервис...» (*Годинер Э.С. Указ. соч. С.68*).

государстве, тем более раннем, мы найдем черты, вовсе не известные прежним формам. Различия прежде всего состоят в **качестве, пропорциях, объемах** ряда свойств и характеристик (и выше мы уже видели это в таких моментах, как профессиональное управление, институционализация власти и др.)²⁶.

Главные отличия догосударственных образований от государства следующие:

1. Управление обычно не находилось в резком противоречии с волей большинства управляемых.

2. Аппарата принуждения не было, либо он находился в зачаточной форме (дружины такой роли не выполняли). Административный аппарат в государстве также более развит.

3. Весьма часто отсутствовало такое неравенство (не было такого антагонизма), которое требовалось бы поддерживать организованной репрессивной силой.

4. Если в догосударственных обществах власть распространялась в первую очередь на людей, а уже потом на территорию, то в государствах — наоборот. Причем подвластная земля приобретает и определенную структуру и делится на административно-территориальные единицы. Сказанное проявлялось и в легкости, с которой догосударственные образования (и нередко аналоги государства) меняли места обитания. Хотя известны переселения и государств (например буров под натиском англичан), но это гораздо более редкие случаи.

5. Р. Коэн считает критерием, позволяющим отличать государства от догосударственных образований, способность первых противостоять процессам и тенденциям к распадению. Действительно, догосударственные образования нередко распадались весьма легко. Но были и очень стойкие образования. Та же иро-

²⁶ По этому поводу, правда, чрезмерно акцентируясь на непрерывности эволюции, Р. Макайвер писал: «Хотя и было такое время, когда не было государства, само государство не имеет никакого начала во времени. Его рождение есть логический факт, истории принадлежит лишь его эволюция. Идея исторических начал соотносится здесь с идеей особого творения в доэволюционном смысле» (*Макайвер Р. Реальность социальной эволюции // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 82*).

кезская конфедерация существовала сотни лет²⁷. Вообще же, хотя постановка вопроса о критерии всегда ценна, решить его указанием на один только признак, полагая его везде однотипным и универсальным, не удастся (как мы увидим это и в отношении понятия «этнос»). Ведь речь идет все же о синтезированных теоретических понятиях, поэтому и критерий должен иметь вид определенного принципа, принимающего в разных ситуациях различный вид.

6. Одна из отличительных черт раннего государства по сравнению с догосударственными образованиями и аналогами государства — способность к гораздо более быстрому усложнению управления или территориальному росту. Иногда за десятки лет в этом плане все меняется очень сильно. Государства, не способные к такому развитию, при прочих равных условиях могут оказаться весьма непрочными. Эта быстрая трансформация подчеркивает момент качественного рывка. Но и этот признак не может быть универсальным критерием.

Предваряя дальнейшее изложение, отметим, что аналоги раннего государства отличаются от него не всеми вышеперечисленными моментами, а в зависимости от особенностей аналога лишь теми или другими (будь то слабое территориальное деление, неразвитость административного аппарата или что-то еще). А в некоторых отношениях они могли и превосходить государственные образования.

Отличие государственных образований от иных политических единиц, его составляющих (например провинций, городских общин и прочего), в верховенстве власти. А отличие от корпораций (типа религиозных) в тотальной, а не частичной.

²⁷ Морган считал, что она образовалась около 1400-1450 гг., а в 1675 г. достигла высшей точки своего развития (*Морган Л. Г. Древнее общество. С. 74*). Но еще долго после этого Лига существовала как политическое образование.

Многие же до- и негосударственные общества кажутся застывшими. «За 200 лет существования жужаньской орды незаметно было никакого прогресса — все силы уходило на грабеж соседей», — писал об одном из таких случаев Гумилев (*Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 12.*).

Отличие от единиц больше отдельного государства — суверенитет.

Теперь можно перейти к вопросу, уже затронутому во введении к главе. Рассмотрим его с точки зрения сравнения по величине населения государственных и до(не)государственных образований. Думается, что достаточно очевидно утверждение о том, что ранние государства в среднем имеют большее население, чем догосударственные, так как идет процесс объединения последних. Отметим также, что вождества в ряде случаев начинают формироваться в стадии примитивного земледелия и скотоводства (и у некоторых высокоспециализированных охотников и собирателей), а государства — в эпоху развитого земледелия (плужного или поливного) либо очень продуктивного ручного.

Каковы размеры вождеств? Естественно, очень многое зависело от природных условий. Образования примитивного земледелия (и высокоразвитого присваивающего хозяйства) в среднем по численности составляли несколько тысяч человек (с колебаниями в ту или другую сторону). Вождества более продуктивного земледелия могли быть больше. Об образованиях более крупных, в чем-то напоминавших вождества, поговорим чуть дальше.

Каковы же размеры ранних государств? Не будем брать ситуации завоевания уже «готовых» государств и провинций («вторичных», по терминологии некоторых ученых, государств), а станем рассматривать процесс естественного формирования, т.е. на территориях, где государств либо не было, либо они оказались разрушенными и политогенез шел в основном на новой основе («первичные» государства, по упомянутой терминологии).

На территории, где проживало несколько сот тысяч — миллион (максимум несколько миллионов) человек, а такими были обычно области, населенные родственными племенами²⁸, при

²⁸ Численность маори (жителей Новой Зеландии) на рубеже XVIII—XIX вв. была 200–300 тысяч человек (Советская историческая энциклопедия. Т. 10. С. 247). Примерно столько же было нуэров (преимущественно скотоводов), в 30-е годы, когда их наблюдал Эвард-Причард (см.: *Эвард-Причард* Э.Э. Нуэры. М., 1985. С. 15). По некоторым подсчетам, столь-

складывании ранних государств численность их населения обычно составляла несколько десятков — в лучшем случае — сто-двести тысяч человек. Ибо их образовывалось по меньшей мере несколько (а то и несколько десятков). Затем они могли консолидироваться в более крупные.

Можно было бы привести некоторые исторические факты, подтверждающие сказанное о том, что размер малого государства был не слишком велик²⁹. Относительно подобных цифр (здесь и далее), конечно, надо помнить об их сугубой условности. Однако общее представление они дают. Согласно традиции, население древней Аттики состояло из 10.800 семей, т.е. составляло несколько десятков тысяч человек³⁰.

В Афинском государстве же времен расцвета в V в. до н.э. жило, по разным оценкам, включая метеков и рабов, 200-300 тыс. человек³¹. Самыми крупными по численности городами Греции этого времени были, кроме Афин, в Сицилии Гела, Сиракузы, Акрагант, в каждом из которых было не меньше ста тысяч жителей. Население Коринфа приближалось к 60, Спарты, Аргоса, Фив, Мегар — от 25 до 35 тыс. человек³². И даже с учетом сельского населения, рабов и прочих многие греческие государства составляли лишь несколько десятков тысяч человек.

Я не думаю также, что в среднем население каждого из 40 государств (номов), из которых по традиции считается созданся (и распался временами) Древний Египет, превышало в момент образования 200 тыс. человек.

Среднее население русских княжеств в XI-XII вв., скорее всего, не превышало 100-300 тыс. чел. (а иные были и того меньше). Ведь по некоторым данным, все население Руси этого времени равнялось 2-3 млн. чел. И даже на рубеже XVI в. число

ко же было и жителей Соломоновых островов (см.: *Малаховский К.В.* Соломоновы острова. М., 1978. С. 31).

²⁹ Я не говорю, конечно, что в особых условиях не могло образоваться и более крупное государство, но обычно это уже происходило при завоеваниях (объединениях).

³⁰ См. *Древняя Греция*. М., 1956. С.132.

³¹ См. Там же. С. 241.

³² См. Там же.

жителей Московской Руси достигало лишь 5-6 млн. чел. Если взять другое славянское государство, то вскоре после образования Польской державы в правление Болеслава Храброго в начале XI в. на этой довольно большой территории проживало где-то 700 тыс. чел.³³.

Примеры можно было бы продолжить. Впрочем, ясно, что раннее государство, без еще развитой бюрократии, опыта управления и политического сознания, тяготеющего к централизации, обычно могло удерживать в сфере своего слияния не слишком большое население (либо власть эта была номинальной, поверхностной). И лишь впоследствии при благоприятных природных условиях могли образовываться и многомиллионные страны и даже гиганты с числом подданных в десятки миллионов человек (как в Китае).

В то же время и история, и этнография наряду с картиной ранних государств дает нам множество примеров существования крупных политических образований в десятки и даже сотни тысяч человек. Это не государства в нашем понимании (либо мы колеблемся, куда их отнести). Но и на догосударственные образования они, если и похожи, то чисто внешне. Ведь уже сами по себе большие размеры меняют пропорции³⁴. Управление массами уже более десяти тысяч человек обычно требует и более сложных форм организации и структуры власти³⁵. Нередко такие образования состоят из десятков племен³⁶. Например, сахар-

³³ Рассчитано по данным книги: Краткая история Польши. М., 1983. С. 13.

³⁴ В современную же эпоху в связи с демографическими процессами размеры подобных образований и вовсе становятся гигантскими, правда, и государства сегодня намного крупнее.

³⁵ Неудивительно, что даже не слишком многочисленные общества при попытках соотносить их стадияльно, не вписываются в схему. «Если, например, взять некоторые полинезийские «сложные» вождества, то не так просто будет вполне однозначно ответить, с вождествами или все-таки с ранними государствами мы имеем дело» (*Куббель Л.Е.* Указ соч. С. 156).

³⁶ Так, в зулусском союзе в Южной Африке, сформировавшемся в конце XVIII в. под руководством Дингисвайо, в это время было объединено 30 племен (*Бюттнер Т.* История Африки с древнейших времен. М., 1981. С. 184). После его смерти другой вождь продолжил консолидацию. Это был знаменитый Чака. И в 20-х годах XIX в. в его образование входило уже около ста племен (*Львова Э.С.* Этнография Африки. М., 1984. С. 47). Это крупное объединение по многим параметрам сопоставимо с ранними государствами более классического типа в той же Африке. Так, в союзе Чака была постоянная армия численностью около 14 тысяч человек (*Бюттнер Т.* Указ соч. С. 184), что позволяет говорить о населении не мень-

ские туареги, имея не слишком большую численность, тем не менее делились на две конфедерации. Конфедерации состояли из нескольких так называемых эттебелов, «каждый из которых включал одно господствовавшее и несколько зависимых от него племен»³⁷.

Но дело не только в размерах. Эти образования вполне сравнимы с ранними государствами и по ряду функций, прежде всего военной, а также по политическому значению. Они сопоставимы и по уровню социального, экономического и культурного развития. Отнесение же таких форм к более низкой стадии обусловливает и большие натяжки при их типологии, и появление взаимоисключающих, но равно ущербных моделей, вызывает терминологические и иные трудности у историков, поскольку факты противоречат схеме. Недостаточное внимание к данной проблеме во многом объясняет и причины, по которым одно и то же общество у некоторых исследователей обозначается как «союз (или конфедерация) племен», у других уже как раннее государство, а у иных теоретиков истории и вовсе как «племя». И время возникновения государства для одних и тех же стран у разных историков может колебаться в сотни лет³⁸. Конечно, очень многое зависит и от исторической традиции (порой вопреки фактам говорящей о царстве там, где был союз племен, и толкующей о племени там, где налицо уже государство). Нельзя не учитывать и трудности интерпретации источников, их скудость, сложность отнесения пограничных случаев к той или иной стадии.

Но во многом виновата и методологическая установка, что если нет привычного нам государства, то это до- государственное и, значит, типологически стоящее на более низкой отметке

ше, чем в сто тысяч человек. Неудивительно, что это образование нередко называют государством.

³⁷ *Периц А.И.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 332.

³⁸ Так, например, одни говорят о времени образования Шведского государства, как о конце X — начале XI вв., другие — о XII-XIII вв. (см.: *Шаскольский И.П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 95).

общество, хотя сплошь и рядом факты указывают на то, что социальные отношения в некоторых таких «догосударственных» образованиях были выше, чем в раннегосударственных. Фактически же они стадияльно однотипны, а различаются прогрессивностью и динамикой развития. Поэтому, думается, гораздо правильнее полагать их **аналогами** по функциям и характеристикам ранним государствам, образуемым на собственной эволюционной основе. Следует учесть и то, что отсутствие нужного понятия ставит исследователей в жесткие рамки.

Указанный стереотип существует и в этнологии. Приведу характерное, на мой взгляд, рассуждение. Предполагается, что совокупность трех характеристик (появление регулярного налогообложения, отделение политической власти и территориальное, вместо родового, деление) «позволяет говорить о том, что в данном обществе завершился политогенез и окончательно сложилось государство. Вполне очевидно, однако, что все они вовсе не обязательно возникают строго синхронно: конкретные условия исторической реальности могут в разных случаях ускорять или замедлять появление того или другого из таких необходимых элементов сформировавшегося государства. И столь же понятно, что такая асинхронность может давать — и действительно давала — в историческом развитии конкретные, как бы «промежуточные» (выделено мной. — *Л.Г.*) стадии на пути политогенеза, когда при наличии в каком-либо социальном организме двух из вышеназванных характеристик отсутствовала бы третья»³⁹.

Однако мне кажется, что и варварские образования в начале н.э. в Европе, где был слаб административный аппарат, но было сильное расслоение и заметное территориальное деление; и структуры Тропической Африки, где, напротив, было слабое территориальное деление, но сильная административная сфера; и ситуации существования серьезных повинностей населения без образования госаппарата (о которых автор цитаты говорит

³⁹ *Куббель Л.Е.* Указ. соч. С. 132.

дальше); равно как и сильная военная сфера, позволяющая эксплуатировать и соседей, и союзников; или какие-то иные варианты следует рассматривать в аспекте социологии истории не как **промежуточные стадии** между до- государственными образованиями и ранними государствами, а как **теоретически равноправные варианты перехода от догосударственного уровня к более развитым образованиям государственного типа и их аналогов, лучше или хуже выполнявшие те или иные функции**. Это не «недоразвитые» государства с «элементами государственности», а больше или меньше, но достигшие аналогичной ему стадии, а нередко вполне сложившиеся и устойчивые формы, хотя и отличающиеся от «классического» государства⁴⁰. Стоит помнить и о том, что те или иные институты формировались, исходя из наличных (а не будущих) проблем. И если, допустим, постоянной централизации не требовалось, достаточноными оказывались периодические военные объединения. Кроме того, нельзя забывать, что часто сильные стороны компенсируют слабость других, недостаточно проявившихся. Заметим также — но сейчас нет возможности на этом останавливаться — что и те образования, которые мы, безусловно, относим к ранним государствам, при более внимательном анализе весьма сильно не совпадут с идеальной моделью, которую создало наше воображение. Если посмотреть на функции ранних государств, то можно увидеть в числе важнейших следующие их возможности: 1) противостоять соседям и использовать войну для собственных целей (обогащения, увода рабов и пр.); 2) поддерживать возникшее и усиливающееся социальное неравенство и стратификацию; 3) уменьшать столкновение внутри общества и регулировать споры; 4) мобилизовывать и концентрировать ресурсы, перераспределять блага в пользу господствующей верхушки; 5) поддерживать общий религиозный культ; 6) другие. Но и аналоги, лучше или хуже, не справлялись с подобными за-

⁴⁰ Само собой, что можно вести речь и об аналогах вождеств, когда налицо достаточно большие и устойчивые объединения родов или иных локальных групп, нескольких племен и т.п., но без значительной власти вождя, наследственной передачи власти и пр.

дачами. Следовательно, это убедительный довод считать их не предшествующими, а именно **аналогичными** государству политическими формами.

Разумеется, аналоги не во всем выполняют функции государств, но прежде всего в наиболее важных для данного общества (слоя) моментах⁴¹. Нередко сложившаяся ситуация есть результат общественного компромисса, например в обеспечении нужной военной мощи или необходимых условий для присвоения избыточного продукта (это часто неразрывно связано с экзоплуатацией соседей). В некоторых же случаях какие-то функции могли реализовываться и существенно лучше, чем в ранних государствах. Иногда это касается общественной стратификации и деления людей на жесткие касты, иногда — имущественного расслоения и развития частнособственнических отношений. Но чаще — военной сферы. Так, войско, состоящее из вооруженного народа, могло быть многочисленнее и потому сильнее, чем в государстве, где ратное дело стало профессиональным (при равном или даже меньшем населении у аналога). Ведь сплошь и рядом сравнительно немногочисленные кочевники сокрушали своей конницей империи, а на первый взгляд не столь грозные союзы племен угрожали таким колоссам, как Рим⁴².

Приведем несколько исторических примеров, подтверждающих ранее сказанное. Перед римским завоеванием в I в. до н.э.

⁴¹ Если развить такой методологический принцип, то в других случаях роль аналогов крупных государств и даже огромных империй могли выполнять небольшие, но очень богатые или наделенные другими достоинствами государства. (Примеров в истории много. Хотя бы Венеция и Турция, Персия и Афины, Спарта.) А милитаризированные государства нового и новейшего времени выполняли роль аналогов индустриально развитых государств.

⁴² Таких крупных военных союзов известно множество. Например, в I в. до н.э. — II в. н.э. у германцев возникали свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Пивилиса и др. (см. о них: *Неусыхин Л. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному // *Проблемы истории докапиталистических обществ.* М., 1968. 4.1. С. 601-602). Причем иногда образовывались очень мощные варварские армии. Так, объединивший маркоманов с лугиями, мугилонами, готами и другими народами Маробод в самом начале н.э. создал армию по римскому образцу, состоящую из 70 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы (см.: *Советская историческая энциклопедия.* Т. 9. С. 123).

в Галлии проживали кельтские племена (галлы) огромной для негосударственной эпохи численностью, в несколько миллионов человек⁴³. Это было результатом плодородия земли и высокого уровня хозяйства. Культура, социальное расслоение, богатство в этом обществе достигли высокой стадии. Так, известно, что многие знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов. Нет сомнения, что при таком населении и уровне развития существовали крупные политические образования, аналоги ранним малым или даже средним государствам. Во всяком случае, известны попытки объединения галлов во II-I в. до н.э., которые предпринимали вожди наиболее сильных племенных союзов арвернов, эдуев, секванов. Но успехи, если они и были, оказывались непрочными⁴⁴. Удачному процессу политогенеза, по-видимому, препятствовали слишком большое население и слишком сильное социальное расслоение. Возможно, просто не нашлось нужной личности (что часто бывало причиной иного, чем крепкое государство, пути развития). И только с вторжением в Галлию Цезаря у галлов мог появиться шанс на объединение под началом сына вождя арвернов Верцингеторига, возглавившего антиримское восстание. Но слишком сильны были легионы Цезаря.

Во многом аналогично дело обстояло и у саксов. В V-VI вв. н.э. часть их переселяется в Британию и образует там государства. А на континенте еще в конце VIII в. у саксов не было достаточно сильной королевской власти. Походы Карла Великого могли бы им дать шанс для централизации (подтверждение чему восстание Видукинда и разгром франков в 782 г.), если бы

⁴³ См.: История Франции: В 3 т. М., 1972. Т.1. С.20.

⁴⁴ Там же. С. 18. Зато успехов добилось иноэтничное иллирийское образование, которое объединило в Альпах в I в. до н.э. ряд кельтских и иных племен и образовало государство, достигшее большого хозяйственного и культурного подъема. Позднее здесь образовалась римская провинция (см.: История Европы. М., 1988. Т.1. С. 505).

противник не был столь мощен. История, весьма похожая на покорение галлов.

Размеры крупных образований у последних можно только предполагать, зато численность германских завоевателей Галлии (франков, вестготов, бургундов) известна лучше. Число вестготов, поселившихся в Аквитании, составляло 80-100 тысяч человек. Бургундов было меньше, чем вестготов. А вот салических франков насчитывалось, по мнению ряда историков, более 100 тысяч⁴⁵. Причем общее число германцев ко всему населению Галлии, сильно к тому же сократившемуся, составляло, скорее всего, только 10-15%⁴⁶. Приведенные цифры подтверждают как то, что варварские образования этого периода можно считать аналогами государств, так и то, что для преобразования подобного аналога в государство часто нужны крупные территории с большим населением.

Еще один пример из той же эпохи. Число остготов под руководством Теодориха, принявших участие в переселении в Италию в конце V в. н.э., составило вместе с семьями 100 тыс. человек, а с другими племенами — 150 тыс.⁴⁷. А ведь разгромленный век назад гуннами союз готов и других племен между Днестром и Доном под руководством Германариха (Эрманариха) мог быть еще большим.

Таким образом, когда по каким-то причинам политогенез идет по пути появления более крупных и мощных образований, чем вождество и даже большое вождество⁴⁸, но иного, чем трактуемое нами как раннее государство, мы можем говорить об **аналогах раннего и относительно небольшого государства**. Разумеется, можно указать на ряд переходных, пограничных, промежуточных или вариантных форм как по развитию, так и по величине между вождеством и его аналогами, с одной стороны, ранним государством и его аналогами — с другой. И это пред-

⁴⁵ История Франции. Т. 1. С.40.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Советская историческая энциклопедия. Т.10. С. 654.

⁴⁸ Такое вождество иногда называют еще сложным или иерархическим.

мет особого разговора и исследования равно, как те или иные стадии развития государства и сравнимые с ним фазы эволюции аналогов. В данном случае этим можно пренебречь. Важно заметить, что **главное отличие раннего государства от его аналога, с одной стороны, близость к той модели, которую мы выше описали, а с другой — историческая перспективность.**

Типы аналогов разнообразны, и на них мы останавливаться не будем. Можно отметить только большие различия между продвинутыми обществами с сильным внутренним расслоением, стратификацией и высокой культурой, и военно-хищническими, социально структурно менее сложными, но беспощадно эксплуатирующими ближние и дальние окрестности. Таким был, например, гуннский союз, достигший вершины мощи при Аттиле и затем распавшийся. Подобных образований было особенно много среди кочевников. Будучи в среднем малочисленнее оседлых народов и в то же время мобильнее (и часто сильнее) их, они нередко предпочитали прямую и быструю военную эксплуатацию. В их обществах могло быть много рабов (например, у туарегов рабы составляли до трети населения). Некоторые из таких образований затем становятся государствами, как болгары, венгры и др., чему могла способствовать хотя бы частичная оседлость или полуоседлость⁴⁹. Иные трансформируются медленно или застывают в развитии, пока не столкнутся с более грозной силой, как это случилось, скажем, с половцами⁵⁰.

Так или иначе, важно еще раз отметить, что при ретроспективном сравнении оказывается, что развитие таких аналогов идет намного медленнее, чем у ранних государств, которые получают на длительное время своего рода источник развития. Однако при сосуществовании это может быть долго незаметным или, точнее, казаться не слишком важным. Эволюция, образно

⁴⁹ Переход к частичной оседлости был одной из причин формирования Скифского государства, когда на рубеже V-IV вв. до н.э. царь Атей устранил других царей и узурпировал власть. И ему удалось объединить Скифию от Меотиды (Азовского моря) до Истра (см.: История СССР с древнейших времен: В 12 т. М., 1966. Т.1. С. 219-220).

⁵⁰ Иногда, правда, восточный (донской) союз их племен под началом хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича называют государством, но это натяжка.

говоря, все еще искала разные пути развития, пока, наконец, государственный путь не доказал окончательно своего превосходства.

Однако поскольку все образования есть политические единицы, имеющие общие родовые черты, то в принципе они могут при определенных условиях преобразовываться в государственные формы или переходить друг в друга. Следовательно, как подчеркивалось, для аналогов не заказан переход к государству. Но если образования перерастают величину вождеств и даже малых государств, если социальная структура у них иногда более сложная, чем в раннегосударственный период, то, очевидно, и трансформация в государственную форму будет иного типа. Решающим подчас мог быть пример соседей. Бывало, что объединялись против внешней опасности или восставали против поработителей. Наиболее частым же был путь захвата других народов, стран или провинций. Но это путь сразу к крупному государству, минуя этап мелкого, что часто сочеталось и с минованием этапа создания необходимой культуры, поскольку она могла заимствоваться в готовом виде.

Характерно отметить, что нередко при завоевании подобным аналогом какой-то территории государственность у завоевателей формируется буквально в течение нескольких лет. Это доказывает, что она не столько создается заново, сколько трансформируется из иных политических форм, отношений и сознания. Примеров перехода аналогов в государство путем завоевания множество, но еще больше случаев, когда такие аналоги играют пассивную роль, становясь частями государств чужих народов.

Возвращаясь к кочевникам, отметим, что для них — при редкости населения и огромности территорий — путь создания чисто кочевых государств нехарактерен. Это происходило либо при переходе к оседлости (полуоседлости), появлению городов, росту ремесла и торговли (как у хазар), либо опять-таки при захвате густонаселенных районов. Таким образом, извечная борьба оседлых народов и номад, одновременно и разрушавших ци-

визации и обновлявших их «кровь», в этом аспекте может быть представлена как борьба государств и их аналогов.

Итак, исследователь должен понять, каково действительное соотношение модели государства и изучаемого общества, ответить на вопросы о том, могло ли такое образование в принципе стать государством, какие условия для этого требовались, сравнить его с исторически известными народами подобного уровня развития. И не относить данное общество к до государственным формам, если оно стоит уже выше последних.

Если суммировать использованные методологические приемы, то увидим следующее. Как говорилось, наиболее первая задача социологии истории — найти понятия и подходы, позволяющие обнаружить общее в разнородном материале. В данном случае таким понятием выступает **политическая единица**. Нужно также показать наиболее важные точки перехода этих единиц в качественно новые состояния. Для этого мы анализировали категорию **государства**. Но, чтобы вместо социологических оснований теории исторического процесса не получить подмену, когда параллельные процессы выдаются за стадияльно предшествующие, было введено понятие аналогов государства с двуединой целью: во-первых, доказать, что разные политические единицы можно полагать равнозначными для определенного периода, если они выполняют аналогичные функции; во-вторых, показать, что их типологическое различие связано с разными направлениями эволюции и, как следствие, с разными историческими потенциями.

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что предложенная идея различать равные стадияльно, но различные в плане сходства с теоретической моделью государства (вождества и т.п.) и по исторической перспективности **классические политические единицы и аналогичные им по уровню, функциям** позволяет, во-первых, гораздо яснее увидеть всю палитру возможных путей и форм политогенеза. Во-вторых, легче избегать теоретического упрощения данного процесса и более точно

выделять стадии его, в-третьих, уменьшить расхождения между различными точками зрения как о том, что есть государство, так и о его генезисе. Мало того, можно пытаться непротиворечиво совместить разные концепции, если уменьшить их претензии на универсальность. В-четвертых, удобнее объяснять процессы неравномерности развития разных обществ. В-пятых, этот подход яснее демонстрирует, с одной стороны, различия, с другой — определенное единство разных форм, поскольку и «переростки», и аналоги способны были при определенных условиях трансформироваться, и даже в некоторых случаях такой путь мог оказаться короче классического. Наконец, в-шестых, это лучше показывает относительность теоретического деления, сложность и плавность переходов от формы к форме, от стадии к стадии.

Развивая идею применения приема выделения аналогов к типу, характерному для «генеральной линии» истории, можно отметить определенную условность таких сравнений. Так, некое образование будет полным аналогом малому государству и частичным — большому, например, только по военной силе. А некоторые малые по численности единицы (типа дружин викингов) можно представить как частичный аналог в отношении военной опасности (и возможности грабежей, наложения дани) малому (или даже среднему) государству.

Теперь легче говорить и о причинах образования государства. Этот вопрос подробнее будет рассмотрен в своем месте. Здесь стоит сделать лишь ряд замечаний. Во-первых, очень многое зависит от того, что понимать под государством. Отсутствие четкости приводит к смешению этапов политогенеза. Нередко процессы возникновения вождества и государства достаточно не разделяются. И если моменты внутреннего расслоения, укрепления власти вождя и его религиозной роли, идущие мирно, выдать за факт формирования собственно государства, неудивительно, что «появятся» основания утверждать, будто последнее есть результат в основном внутренних процессов. Однако это

неверно. Также неправомерно подменять причины образования раннего государства причинами перехода к государству более зрелому⁵¹. Во-вторых, нередко попытки выделить универсальную для всех народов первопричину рождения государства, за которую чаще всего выдается лишь одна из возможных причин, являющаяся действительно важнейшей лишь в некоторых случаях. Широко известные концепции М. Фрида и Э. Сервиса справедливо подвергаются за это критике. Но это характерно и для марксистской концепции.

В-третьих, чисто исторические свидетельства о самых первых государствах не доносят до нас подробностей об этом процессе, а позднейшие имеют отпечаток влияний более высокоорганизованных обществ. В-четвертых, пограничный процесс всегда сложен для фиксирования, особенно если не учитывать сказанное об аналогах государства⁵².

За последние десятилетия накоплен большой материал о процессах перехода от родовых форм к раннегосударственным на примерах народов Африки, Океании, Америки и др. Естественно, что и подходы к этим проблемам отличаются большей глубиной и основательностью, чем раньше. Однако я не сказал бы, что появились концепции, совершенно отличные от идей, высказывавшихся по этому поводу раньше. Маркс и Энгельс, как известно, считали, что государство появляется как результат нарастания социальных противоречий и определенного их разрешения в пользу эксплуататорского класса. Проблемы соотно-

⁵¹ Такую подмену, например, сделал Энгельс, относительно Афин времен реформ Солона, объясняя причины образования Афинского государства классовыми антагонизмами, тогда как это государство уже давно существовало. Так, о моменте реформ Солона он говорил как о «возникающем государстве» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С. 114*), считал, что в Афинах «весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества» (Там же. С. 119) — в его понимании синонима догосударственного периода.

⁵² «Когда же речь идет о конкретном обществе, то чрезвычайно трудно определить, с какого времени и на основании каких признаков можно говорить с определенностью о сложении классов и государства» (*Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2. С.77*).

шения этого процесса и завоевания, совпадения социальных слоев и особых этнических групп мало учитывались, а то и вовсе игнорировались. Подобный взгляд во многом характерен для отечественной науки и по сию пору, во всяком случае приоритет определенно отдается внутренним процессам⁵³. Справедливости ради, заметим, что этим грешат и зарубежные исследователи. Во многом сходна с марксистской (но выраженная иной терминологией) концепция М. Фрида, который полагает, что «ключевой импульс эволюции государства дает нужда в системе защиты стратификации»⁵⁴, а само государство есть итог длительного процесса расслоения общества и конфликтов по поводу обладания важными (стратегическими и дефицитными) ресурсами. Теория Э. Сервиса, напротив, утверждает, что не столько неравенство или социальное насилие рождает государство, сколько возросшие организационные нужды, которые требуют иной организации общества. В результате происходит взаимовыгодное общественное разделение труда на управляемых и управляющих⁵⁵. Нельзя не увидеть родство с теориями, объясняющими возникновение государств на Востоке необходимостью больших ирригационных работ, в определенной мере отраженных и в марксизме⁵⁶.

Традиционно прагматичные, многие ученые боятся крайностей и полагают, что не стоит искать первопричину, поскольку и процесс расслоения, и потребность в хозяйственном регулиро-

⁵³ Например, Л. Е. Куббель полагал, что необходимо отстаивать «тезис об определяющем значении внутренних факторов в процессе становления классового государства». В то же время он отмечал, что из трех этнографически зафиксированных путей политогенеза: военного аристократического и плутократического — «количественно преобладал в масштабах ойкумены первый из этих путей — военный» (История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 214, 230).

⁵⁴ Цит. по: *Годинер Э. С.* Указ. соч. С. 61.

⁵⁵ «По существу, истоки государственной власти уходят в институционализацию централизованного руководства, которое в связи с развитием своих дополнительных административных функций превратилось в наследственную аристократию» (*Service E.R. Origins of the state and civilization.* N.Y., 1975. P. XII).

⁵⁶ В том числе и среди самых современных работ (см.: *Общая теория права и государства.* М., 1994. С. 43-44). Авторы особо подчеркивают, что существовало по крайней мере два пути генезиса государства: европейский и азиатский.

вании действуют так, что усиливают друг друга⁵⁷. Другие вместе с Р. Коэном убеждены, что к «государству ведет множество путей»⁵⁸. Такой подход, бесспорно, предпочтительнее, если, однако, не забывать, что не все из этих путей ведут собственно к государству, а либо к его аналогам, либо вовсе в тупик.

Надо также отметить, что подвергавшаяся одно время острой критике и едва не списанная в архив теория завоевания получила вновь много сторонников, что является, по признанию исследователей, в большой мере заслугой Р. Карнейро, подчеркивающего роль войны как наиболее распространенного механизма становления государства. Конечно, нынешние теории завоевания гораздо более диалектичны, чем взгляды Л. Гумпловича, Ф. Оппенгеймера и других ученых прошлого.

Данная теория обладает тем огромным достоинством, что имеет многочисленные исторические подтверждения самых различных эпох. И можно также отметить, что война — это не только разрешение конфликта за ограниченные ресурсы, но, говоря более простым языком, — это возможность грабежа и эксплуатации, часто образ жизни определенных обществ. Тем не менее отнюдь не любое завоевание ведет к возникновению государства и отнюдь не всегда государства есть продукт завоевания.

Чтобы образовалось государство, нужен определенный уровень социального развития, материальной культуры, достаточно интенсивные межобщественные политические (и военные прежде всего) контакты. Этот процесс так или иначе должен быть оплодотворен насилием, хотя и необязательно только прямым завоеванием одного народа другим. Война может вызвать и сплочение племен вокруг какого-то лидера или определенных слоев. Так, в период дорийского завоевания в Аттике сложилось государство (или было упрочено, в зависимости от того, с како-

⁵⁷ Иные, как Салинз, подчеркивают неразрывную связь укрепления власти и возрастания производства, когда «рост власти и положения вождя становится одновременно и развитием производительных сил» (*Sahlins M. Stone age economics. Chicago, 1972. P. 140*).

⁵⁸ Цит. по: *Годинер Э.С. Указ. соч. С. 63*.

го момента отсчитывать начало этого события) путем укрупнения населенных пунктов (синойкизма) и концентрации власти в руках родовой знати.

Иногда вождь с дружиной отрывался от народа, а затем мог принудить его покорности. Иногда приглашенные для защиты иноземцы использовали удобный момент и захватывали власть⁵⁹. Государство могло возникнуть и как результат борьбы покоренных племен за независимость. Поэтому можно сказать, что различные процессы, связанные с войной, являются важнейшими ускорителями (катализаторами) при образовании государства.

Однако могли быть и другие катализаторы, например слишком большие богатства, получаемые в результате транзитной (или иной) торговли. Особое положение какого-то населенного пункта, превратившегося в город (например, религиозный центр), также могло где-то выполнять такую роль.

Что касается исторически стадийных типов государств, то для второй формации наиболее важным было соответствие формы государства социальному (социально-идеологическому) порядку. В этом плане удачной кажется мысль Г. Хеллера, который определял «государство как организованный союз господства в его отношении к социальному порядку»⁶⁰. Важнейшей задачей государства было найти вариант наибольшей стабильности, что, естественно, достигалось разными путями. Конечно, выявлялось много непрочных и неразвитых государств, особенно грабительского типа. Недостаточно устойчивыми оказались и демократические полисные государства, раздираемые внутренней борьбой.

Для третьей формации проблема состояла в необходимости обеспечить стабильность в условиях быстрого роста экономики

⁵⁹ Например, В. О. Ключевский именно так интерпретировал историю приглашения варягов на Русь. Он считал, что их позвали защищать Новгород, а те захватили в нем власть. Нечто подобное случилось и с бритами, которые на свою беду пригласили для защиты от норманнов англов, ютов и саксов. И позже происходили подобные истории.

⁶⁰ Цит. по: Современная буржуазная политическая наука. С. 288.

и других сфер. Этого удалось добиться путем создания одновременно правового и моноэтнического государства, хотя само собой, что здесь также явилось много и удачных и неудачных вариантов. Для четвертой формации, думается, наиболее важной задачей (которая требует и соответствующей формы) будет найти оптимальный компромисс между суверенитетом, демократией и национальным эгоизмом, с одной стороны, и готовностью к интеграции в мировое сообщество с неизбежными жертвами — с другой.

Взаимоотношение же государства и его частей (политических единиц особого уровня) — предмет специального исследования. Примитивные государства очень долго могли опираться на старые образования, и нередко важнейшие политические реформы как раз и стремились изменить территориальную или территориальнополитическую структуру. Если же вспомнить, что вся история до нового времени связана с борьбой тенденций на централизацию и децентрализацию, то станет ясно, что очень многие из прежних государств не обладали необходимыми (помимо силы) **несущими конструкциями**, позволяющими сдерживать распад, когда военно-политическая мощь слабела. Такими конструкциями могли быть религия, этническое единство, крепкая монархическая власть и др. В новое время крайне важными стали экономическое развитие и разделение труда, а также сближение этнической и политической общности, что выразилось в формировании наций и национального государства. В настоящее время государства в связи с наднациональным сближением иногда дают трещину под напором национализма. Но об этом мы еще будем говорить во второй и третьей частях.

Стоит немного затронуть вопрос о соотношении государства и цивилизации. Более основательно последнее понятие мы будем рассматривать в следующей части. Пока условно можно сказать, что под цивилизацией понимается **устойчивое в пространстве и во времени культурно-религиозное единство некоторого количества обществ.**

Мы отмечаем, что в определенном смысле государство есть центр общества, порой же и вовсе можно говорить об их фактическом совпадении. Не столь однозначна связь государства и цивилизации. Конечно, некоторые из них, как египетская, ассоциируются прежде всего с одной страной. Но чаще они соотносимы с большим количеством, а то и множеством (сотнями, как в Элладе) государств. Основательно проблема соотношения цивилизаций и государств анализируется во второй части. Сейчас же сделаем лишь отдельные замечания.

Каковы типы связи этих явлений? Первый, когда цивилизация совпадает преимущественно лишь с одним государством. Второй: одно государство — ее центр, а другие — периферия. Такова была китайская (точнее, конфуцианская) цивилизация, в отдельные периоды распространившаяся на Индокитай, Корею, Японию. Третий тип: цивилизация охватывает много государств, даже десятки и сотни. Так, ряд ученых полагает, что цивилизация майя состояла из значительного числа городов-государств. Очень часто и Индия представляла собой ряд враждующих держав, за исключением отдельных периодов ее большей или меньшей централизации. Четвертый — одно крупное государство охватывает несколько цивилизаций. Так, Персидская держава Ахеменидов включала в себя собственно персидскую, египетскую, вавилонскую, иудейскую и частично греческую, финикийскую, индийскую. Иногда такой охват приводит к переплавке местных цивилизаций, как случилось со многими провинциями Арабского Халифата.

Тойнби отмечал необходимую связь между цивилизацией и так называемым «универсальным государством», т.е. крупной державой, охватывающей всю или почти всю территорию данной цивилизации. Он, в частности, писал: «Во-первых, универсальное государство возникает после, а не до надлома цивилизаций... Во-вторых, универсальное государство — продукт доминирующих меньшинств, то есть тех социальных групп, которые когда-то обладали творческой силой, но затем утратили ее.

Кроме того, универсальные государства обладают еще одной выдающейся чертой — они совпадают с моментом оживления в ритме распада...

Все это создает общую картину универсального государства, которая на первый взгляд может показаться двусмысленной. Универсальные государства — симптомы социального распада; однако это одновременно попытка взять его под контроль, предотвратить падение в пропасть»⁶¹.

Это интересные наблюдения, однако очевидна натянутость теории. Ведь на протяжении жизни одной цивилизации таких государств может быть не одно, а несколько (например, в той же Индии). Говоря о том, что подобное государство возникает после надлома цивилизации, Тойнби как будто забывает, что Арабский Халифат создается вслед за укреплением ислама; в Западной Европе если и были «универсальные государства», то в начале пути (империя Карла Великого). Наконец, какие-то государства — спутники цивилизации (или наоборот) на всем протяжении пути. Кроме того, неизбежная условность выделения цивилизаций при любом другом воззрении (аспекте) меняет и представление об их соотношении с государством.

Однако так или иначе без каких-то государственных форм цивилизация не существует. И можно согласиться с Данилевским, полагавшим, что «дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежавшие, пользовались политической независимостью»⁶². Хотя, с другой стороны, смена политической власти иногда приводит к более или менее плодотворному синтезу (каков был эллинизм например).

Таким образом, можно считать, что цивилизация и государство, с одной стороны, несомненно, тесно связанные и поддер-

⁶¹ Тойнби А. Постигание истории. М, 1991. С. 485.

⁶² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 77.

живающие друг друга явления, но с другой — их совпадение в пространстве и времени не только не обязательно, но и представляет более редкое явление, чем другие комбинации.

Безусловно, немало случаев одновременной гибели государственной организации и цивилизации (хотя иногда это вызвано общим тотальным разрушением или (и) столкновением с более развитой культурой, как случилось с американскими цивилизациями). Ведь если не возникает соответствующей замены разрушенного новыми формами, если в результате вторжений «внешнего пролетариата», по терминологии Тойнби, общество возвращается в догосударственное варварское состояние, то такому социуму, естественно, не нужна и цивилизация. Возможно это было причиной гибели обществ Мохенджо-Даро и Хараппы. Именно так оказалась прерванной нить на длительное время Крито-Микенской цивилизации. Но даже и в такой ситуации притягательная сила высокой культуры позволяет частично на ее основе через определенное время создать новую, как случилось с дорийцами.

Еще больше случаев, когда при уже достаточно зрелой цивилизации варварские завоевания не ведут к исчезновению цивилизаций. Египет, Междуречье, Индия, Китай неоднократно демонстрируют нам свою способность цивилизовать варваров-завоевателей. И все это вместе с тем фактом, что с распадом централизованных государств цивилизации не исчезают (а в некоторых ее структурных единицах даже и наблюдается подъем культуры, как в Европе и на Руси при феодальной раздробленности), доказывает, что **основные связи цивилизации во многом иные, чем в централизованных государствах**. Цивилизационная связь во времени поэтому длиннее (точнее, потенциально длиннее) политической, и цивилизация способна пережить много политических форм.

Это совершенно понятно, если вспомнить, что мы определяли цивилизации как **форму пространственно-временных группировок обществ**. Видов таких группировок немало (например крупные государства и этнические общности). С од-

ной стороны, у каждой из них свои специфические виды, сплочения, и, следовательно, собственные циклы и ритмы. Но с другой — они могут быть тесно связаны и обуславливать друг друга.

Среди современных ученых существуют различия в представлении о том, какие условия необходимы для возникновения цивилизаций. Если Г. Чайлд говорил о десяти признаках, то иные, например К. Клакхолм, указывают всего лишь на три: монументальная архитектура, города и письменность⁶³. Однако, как справедливо отмечает Массон, указанная триада характеризует цивилизацию в первую очередь как культурный комплекс, тогда как «социально-экономическую сущность данного явления составляет появление классового общества и государства»⁶⁴.

Мне также думается, что государственная организация, будь то в виде городов-государств или в иной форме, в принципе обязательна для оформления цивилизации. Ибо мобилизовать столь большие ресурсы вне государственной власти сложно. Однако подготовительный этап идет и в догосударственных уже образованиях. А начальные этапы цивилизации могут быть и в аналогах государств. Относительно же письменности нужно заметить, что для ранних форм цивилизации она иногда не строго обязательна, поскольку может заменяться некими ее аналогами, вроде узелкового письма (кипу) у инков.

По главным опорам цивилизации можно выделить следующие их типы (помня, конечно, об условности этого, как и других делений): государственные; государственно-религиозные; религиозные и этническо-культурные. Характерным признаком государственного типа является обожествление монарха и включение его в систему религиозного культа. При государственно-религиозном типе религиозная идеология не связана с фигурой монарха так тесно. Сама же конфессиональная организация так или иначе интегрирована в политико-административную систе-

⁶³ См.: Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989. С.9.

⁶⁴ Там же. С.9.

му, хотя и пользуется автономией. Таково было положение, например, в православной цивилизации (в Византии и в России). Религиозный тип характерен для мировых религий (и для Индии), охватывающих много разнотнических стран, и имеет надгосударственную религиозную организацию. При этнически-культурном типе связи определяются этнической однородностью жителей многих государств и их общими культурными традициями и контактами (как в Элладе). Обычно, конечно, действуют все или большинство видов связи, но в разной пропорции.

§ 2. Социальная структура общества

В широком смысле слова любое общественное явление можно считать социальным. Но в данном параграфе мы будем говорить о социальном в узком смысле, имея в виду признаки, согласно которым можно выделять группы людей (существующие фактически или конструируемые теоретически), что позволяет вести речь о социальной структуре⁶⁵. В социологии к социальным причисляют не только экономические или профессиональные различия, но и национальные, расовые, конфессиональные, географические, половозрастные и др. Крайне важно отметить, что ключевым везде выступает понятие **неравенство**. Оно существует в любом самом примитивном обществе. Ведь говоря диалектично, любое равенство есть в то же время и неравенство. Однако опоры или «стержни», на которых оно держится, могут быть очень различными. Так или иначе, конечно, должна присутствовать сила или угроза ее применения. Но далеко не всегда она выходит на передний план. Физическое насилие с успехом могут заменять психологическое, привычка к подчинению, признание за лидером и его окружением (или за какими-то группами) особых прав и ряд других вещей.

⁶⁵ Говоря о социальной структуре общества, часто используют понятие «стратификация», которое означает принципы и механизмы социального деления, а также и способы, «с помощью которых неравенство передается от одного поколения к другому» (Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 174).

Очень различны также признаки неравенства, которые в совокупности создают своего рода **линии** социального деления. Среди наиболее типичных линий — имущественные, генеалогические (связанные с родовитостью), расовые, этнические, религиозные и др. Но надо отметить, что в принципе любые различия хотя бы в небольшой степени, но влияют на возможности обладания дефицитными в обществе благами. Если взять, например, географический аспект (разное место жительства), то любой населенный пункт или район большого города отличаются, скажем, безопасностью, ассортиментом товаров, уровнем цен, развитостью услуг и прочим от других мест той же самой страны. Однако значимость в плане близости к указанным благам у разных линий социального деления очень различна.

Одни из них достаточно **нейтральны** к тому, как отражаются на статусе, престиже, доступе к каким-то благам наличие или отсутствие данных признаков. Иные линии неравенства хотя и менее нейтральны в указанном смысле, но воспринимаются как **естественные** (например половозрастные), а потому могут и не иметь такого важного социального значения. Зато некоторые линии в сильной степени определяют возможности обладания дефицитными благами. Их можно назвать **социально окрашенными**.

Однако в каждом обществе (и в особых исторических периодах) набор таких признаков и линий неравенства будет весьма различным. Так, в одних случаях национальность, место жительства, родовитость, пол и возраст, принадлежность к религии и политической партии выступают как нейтральные. Зато в других они будут главными признаками, формирующими социальные единицы. Надо сказать, что для социологии истории наибольшее значение имеют именно **социально окрашенные**, социально структурирующие общество признаки и линии, и осознающиеся именно как неравенство (равенство), несправедливость (справедливость). Но, конечно, и набор социально нейтральных признаков очень много говорит об обществе. Недаром же современные конституции закрепляют эту нейтраль-

ность провозглашением юридического равенства граждан независимо от их пола, национальности, религии и пр.

Сказанное дает некоторые направления выделения социальной сферы. Однако задерживаться на методиках этой операции у нас нет возможности. Достаточно лишь сказать, что в общих чертах принцип здесь тот же, что и в отношении иных подсистем. Границы их подвижны, а периферия этих сфер перекрывает друг друга, поэтому каждый раз отчленение той или иной подсистемы во многом зависит от характера решаемой задачи. В более чистом виде социальное, как сказано, связано с тем, насколько важен или нейтрален некий признак (особенность) в отношении к важнейшим дефицитным благам. Отсюда понятна близость, скажем, собственно социальных и этнических характеристик. Но ясны и основания, которые все же позволяют разделять в теории эти подсистемы. И чем более социально нейтральными выступают этнические различия, тем легче отделить их от социальных.

В западной науке к наиболее важным среди типов благ, вокруг обладания которыми возникает неравенство, относят: **власть, богатство, престиж, статус, привилегии**. Иногда дополнительно выделяют еще образование⁶⁶. К этому списку, на мой взгляд, следовало бы добавить и достаточно существенный момент — **удобство и гарантии** в обладании, получении, сохранении благ, реализации прав и пр. Так, общеизвестно, что государственная служба очень часто привлекает людей именно гарантированностью доходов, хотя бы они и были меньше, чем в бизнесе. Можно было бы привести множество исторических фактов, подчеркивающих значительные колебания и неравенство в этом смысле. Так, жалованье могли выдавать деньгами

⁶⁶ «Таким образом, позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т.е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п. Именно в этой форме все другие виды капиталов воспринимаются и признаются как легитимные» (*Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С.57).

или натурой, лучшей или худшей валютой; права могли быть служебными или наследственными, отчуждаемыми и неотчуждаемыми и т.п. Анализ социалистического общества, с его прикреплениями, очередями, разным уровнем снабжения и прочим также дает много интересного.

Несомненно, надо выделить и такой тип благ, как **личная известность**. Существенный всегда, в современных обществах он становится одним из важнейших. Ведь помимо собственников, управляющих и служащих, а также и помимо тех, главный капитал которых есть образование и квалификация («люди знания», называет их П. Бергер), все более заметным становится и слой людей, главный капитал которых — известность. «Люди известности» можно было бы назвать их. Эта весьма разношерстная публика имеет общим то, что эксплуатирует свою популярность, конвертируя ее в должности, деньги, связи и разные блага. Значение такого слоя в информационном обществе, по видимому, будет расти.

Некоторые типы благ, вокруг обладания и контроля над которыми строится социальная иерархия (например власть), обладают так называемой нулевой суммой, т.е. прибавление их к одним означает уменьшение у других⁶⁷.

Распределение указанных выше типов благ имеет весьма сложные способы, во многом особые для каждого общества. Эти механизмы неразрывно связаны с линиями неравенства. А последние представляют систему социально окрашенных признаков близости и различия между людьми, согласно которым в большой степени и оформляются права на данные блага. Все линии и признаки, по которым неравенство устанавливается, обнаруживается и узнается, обычно существуют не в чистом виде, а в той или иной комбинации между собой. Тем не менее их можно условно разделить на три группы. Первая связана с некоторыми наследственными и приобретенными признаками, которые, что называется, бросаются в глаза: половозрастные разли-

⁶⁷ См.: Селзер Н. Указ. соч. С. 525.

чия, расовые, антропологические и некоторые этнические особенности, а также язык. Сюда можно отнести и признаки, имеющие характер внешних атрибутов и маркеров: татуировки, одежда, гербы, особенности жилищ и некоторых вещей, знаки различия и многое другое.

Вторая группа связана с признаками, жестко закрепленными обычаем, законом или неким фактом. Сюда относятся родственные отношения, принадлежность к какой-либо закрытой группе, этнические и конфессиональные характеристики, в некоторых случаях место жительства (например при прикреплении к нему) и аналогичные им. Поскольку статус и авторитет группы распространяются на любого человека, входящего в нее, то социальная роль личности меньше зависит от ее индивидуальных качеств⁶⁸.

Третья группа связана с самим фактом обладания, близости и контроля над властью, богатством, образованием и пр. Получение этих благ относительно легко меняет и социальное положение человека. А его престиж и статус напрямую связаны с полнотой и объемом владения, распоряжения и контроля над данными ресурсами. В этой ситуации фактические преимущества нередко позволяют обходиться без юридических. Например то, что состоятельные слои могут дать своим детям лучшее образование, создает последним трудно преодолеваемое превосходство.

Имущественное неравенство возникает уже с появлением земледелия и скотоводства (а при изобилии природных благ даже и в охотничье-собираательском обществе), становясь иногда в этих примитивных социумах важнейшей социальной характеристикой. Однако коллектив долгое время ревностно следил за обогащением, которое сдерживалось обычаями, связанными с раздачей или уничтожением нажитого при жизни или после

⁶⁸ При этом «характерно, что индивид высшего класса в системе с высокой устойчивостью статуса... обычно мало теряет даже в том случае, если он плохо выполняет свои обязанности» (Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 210).

смерти хозяина. Различия в богатстве и собственности возникли как один из способов оформления социальной стратификации. Причем их можно обнаружить везде, однако социальная роль их сильно отличалась от общества к обществу. Но, за отдельными исключениями, в рамках второй формации владение собственностью было не главной и достаточно самостоятельной социальной характеристикой, а скорее дополнительной к другим: знатности и месту в административной иерархии. В догосударственный период второй формации главными можно считать дифференциацию на более или менее значимые, знатные, привилегированные роды, семьи, слои, племена и т.п.⁶⁹. А с появлением и укреплением государства таковыми стали либо неравноправность (от рабства до отдельных ограничений) и привилегии, либо место группы в сословной лестнице, государственном аппарате и своеобразии ее отношений с государством. Особый колорит во многих обществах всему придавали война (военный грабеж) и совпадение социальных и этнических единиц⁷⁰. Но в относительно чистом виде эти линии существовали реже, а чаще в комбинации между собой и с имущественными различиями.

Напомним, что нельзя однозначно утверждать, будто более высокий статус каких-то групп автоматически означает и наличие у них более высоких доходов. Тем не менее в рамках социологии истории очень часто дело обстояло именно так. Поэтому можно сказать, что социальное и материальное неравенства так

⁶⁹По сравнению с периодом присваивающего хозяйства теперь «положение того или иного общинника зависит от того, в каком родственном отношении к вождю он находится» (Бутинцев Н.А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 149-150). И хотя «родство продолжает играть важную роль, но теперь права и обязанности, связанные с ним, поделены так, что права достаются одним членам общины, а обязанности — другим» (Там же. С. 148).

⁷⁰Можно в принципе согласиться, что весьма часто «классовое общество возникает... не путем наложения одной этнической общности на другую, а медленно вызревает изнутри, в самих родовых общинах, конденсируя в каждой из них на одном полюсе родовую знать, на другом — зависимых от нее ... Перед нами высшие и низшие роды, сословия, касты» (Там же. С. 147). Но правда и то, что, для того чтобы из этих примитивных сословий и каст возникли действительно развитые сословия или классы, необходимо государство, которое как раз достаточно часто образуется (и часто преобразуется на протяжении своей истории) как наложение одной этнической общности на другую.

или иначе связаны⁷¹. Иногда получение имущественных выгод — главное назначение социальной дифференциации, иногда — дополнительное, иной раз именно разница в доходах, собственности и стратифицирует общество. Очень многое зависит в этом плане от социального вектора, под воздействием которого одни типы благ как бы следуют за другими. Так, знатность или должность могут влечь за собой и богатство⁷². Причем эти характеристики, линии и признаки могут переходить, перерастать, превращаться, заменять и дополнять друг друга. Легкость или сложность таких переходов и особенности самих процессов очень многое говорят об обществе.

Итак, социальные единицы — это понятие, с помощью которого можно описывать особого рода группы людей (как фактически оформленные, так и выделяемые по объективным признакам), члены которых имеют между собой определенное сходство, относительно близости к указанным выше общественно значимым дефицитным благам. Это сходство определяет место социальных единиц в общественной иерархии.

В зависимости от тех линий, по которым пролегает социально окрашенное неравенство, и признаков, являющихся его показателями, социальные единицы больше или меньше могут сов-

⁷¹ «Любая позиция, обеспечивающая индивиду, занимающему ее, средства к существованию, является (по определению) экономически вознаграждаемой. Вот почему позиции, основные функции которых не являются экономическими (религиозные, политические), имеют также и экономическую сторону. Поэтому обществу удобно применять неравное экономическое вознаграждение как средство контроля над заполнением определенных социальных позиций индивидами и стимулирования выполнения обязанностей, связанных с занятием этих позиций. Таким образом, экономическое вознаграждение становится одним из главных индексов социального статуса» (*Девис К., Мур У.Е.* Цит. по: Социология. Хрестоматия. С. 82).

⁷² Известно множество случаев, когда родовитые землевладельцы, переходя на службу к иному государю, теряли свои земли. Но в другом государстве легко получали новые поместья. Так неоднократно было, скажем, при переходе литовских бояр к Московскому князю (царю). Нередко место в административной (военной) иерархии превращается в нечто материальное. Скажем, в Золотой Орде размеры землепользования прямо зависели от воинского ранга.

Может быть и наоборот, когда гигантское богатство автоматически дает престиж, известность, влияние и пр.

падать с другими: родовыми, этническими, политическими и т.п. И, следовательно, последние будут в той или иной степени также и социальными единицами.

История демонстрирует нам гигантское разнообразие социальных единиц. А поскольку общество имеет целый ряд линий деления, его структура тем более выглядит сложной. Иногда крупные единицы правильнее представлять как реальное целое, состоящее из меньших единиц (например сословие делится на отдельные слои и группы). Но иной раз мы должны говорить о крупных единицах только как о теоретических конструкциях, выделяемых на основе объективного сходства мелких единиц. Надо отметить и большие различия в вертикальной и горизонтальной мобильностях населения. Но в целом общеизвестно, что для традиционных обществ более характерна закрытость единиц и сложность перехода не только по вертикали, но и по горизонтали. Индустриальным и особенно современным обществам присуща высокая мобильность.

Если рассматривать социальную структуру в формационном разрезе, то для первой формации главными можно считать родственные, половозрастные (брачные) единицы; для второй — нечто сходное с сословиями, кастами и пр. Для третьей — это мог быть класс. Наконец, сегодня все большее значение наряду со слоями, выделяемыми по уровню дохода и качеству жизни, приобретают социальные единицы, связанные с образованием, квалификацией и местом в управлении, особенно такие группы специалистов и ученых, которые получили общее название технократии и меритократии.

Социальные единицы можно типологизировать по разным основаниям. Для социологии истории в целом, думается, удобным будет следующее деление: 1) связанные с жестко закрепляемыми признаками (в основном совпадает с первой и второй группами линий деления); 2) связанные преимущественно с личными качествами индивидов и обладанием благами самими по себе (в основном третья группа линий деления). Первый тип условно будем называть **закрепленным**. Он, как ясно, более

присущ доиндустриальным стадиям. Его примеры: касты, юридически оформленные сословия, закрытые цеха и пр. Второй тип — **незакрепленный** — более характерен для индустриальных стадий, в которых социальное положение определяется богатством, личной известностью или образованием.

Говоря о способах анализа социальной структуры, мы вновь сталкиваемся с проблемой оптимизации использования теоретических конструкций. Как добиться логической стройности, наибольшей адекватности описания действительности, удобства и эффективности?

Можно использовать для решения некоторых задач такое понятие, как «страты» (в смысле малые группы, ибо обозначение этим термином любой социальной единицы создает сложности). Преимущества здесь в том, что мы опираемся на вполне реальные образования; прослеживаются каналы связи индивида и общества. Причем подчеркивается мысль о том, что часто человек интегрируется в общество не непосредственно, а именно через малые группы (обычно даже не одну, а несколько). Также легко увидеть неоднородность общественной «ткани» на микроуровне.

Но такой метод не дает нам цельного представления о структуре общества и затрудняет его сравнение с другими, поскольку тут налицо отмечаемая ранее ограниченность микроанализа для социологии истории.

Необходимы более крупные единицы. Но здесь подстерегают методологические опасности, существенные даже в отношении «закрепленных» единиц типа сословий, для вычленения которых имеются приблизительные ориентиры и в праве (обычае), и в общественном сознании. Ведь нередко фактическое и юридическое положения не совпадают, а противоречия внутри каждого сословия могут оказаться сильнее, чем между ними.

Тем более строго следует подходить к анализу «незакрепленных» единиц, типа слоя, класса⁷³. Одна из главных ошибок здесь связана с объективизмом, когда, говоря словами П. Бурдьё, «теоретический, сконструированный Ученым класс рассматривается как реальный класс, как реально действующая группа людей»⁷⁴. Он называет это классом «на бумаге»⁷⁵. В результате происходит отрыв от реальности, умалывается роль фактически более важных единиц, появляется стремление представить общество одномерным.

Это весьма актуальные недостатки для нашей науки, в которой и до сих пор классовое деление полагается универсальным (кроме доклассовых обществ), естественным и главным. Как известно, в историческом материализме классы понимаются как «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁷⁶.

Нетрудно заметить, что здесь налицо понимание классов именно как совершенно реальных и естественных единиц, ибо они определяются прямо как группы людей, а не через их связь

⁷³ Насколько мне известно, классовая характеристика юридически закреплялась только в некоторых социалистических обществах, и в результате она сразу же стала приобретать черты сословных и кастовых образований.

⁷⁴ Бурдьё П. Социология политики. С. 55.

⁷⁵ Там же. С. 59. Бурдьё также отмечает, что подобная конструкция «имеет теоретическое существование, такое же, как и у любой теории: будучи продуктом объяснительной классификации, совершенно сходной с той, что существует в зоологии или ботанике, он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых. И, между прочим, поведение, ведущее к объединению в группу. Однако реально это не класс, это не настоящий класс в смысле группы, причем группы «мобилизованной», готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс...» (Там же).

⁷⁶ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 15.

с более родовыми понятиями (хотя бы социальными группами). Между тем существует огромная разница между такими единицами, которые фактически достаточно сплочены, организованы и осознают это, и теоретически конструируемыми классами, разные представители которых часто не только не осознают себя едиными, но и не поняли бы или даже с негодованием отвергли бы саму мысль о таком единстве. Хотя в марксизме такая ситуация и нашла обозначение как «класс-в-себе» и «класс-для-себя», но серьезного значения для развития принципов анализа социальной структуры эта идея не получила. Кстати следует отметить, что ее активно разрабатывал Р. Дарендорф.

Итак, понятие классов имеет и свои ограничения, и свои неудобства, важнейшие из которых в том, что, хотя теоретически классы можно конструировать для большинства обществ определенной зрелости, роль главных социальных единиц они будут выполнять лишь в некоторых обществах. Там же, где господствовало жесткое деление, кастовость, на первый план могут выйти иные единицы. Далек не всегда классы будут важнейшими социальными единицами и в современных условиях.

Таким образом, мы подошли к мысли, что **роль главных, ведущих социальных единиц** в разных обществах и периодах могут выполнять разные виды (и типы) социальных единиц (подобно тому, как это формулировалось для главных видов и типов распределительных отношений). Иногда это могут быть даже сравнительно небольшая группа, часть сословия или класса, некая корпорация и т.п. Исследователь должен разобраться, какие для его общества (задачи) параметры важнее: классовые, сословные, политические и т.д. При этом желательно не забывать, что в большинстве случаев о **чистых классах** говорить невозможно, а надо учитывать нерасчлененность или смешанность ряда подсистем и функций.

Если классы теснее связаны с такими типами благ, как богатство, имущественные привилегии и т.п., то другие крупные теоретические социальные единицы — с властью, высоким статусом и престижем, почетными привилегиями и пр. Речь идет о

делении общества на **эли**ту (меньшинство) и **неэли**ту (народ, массы и т.п.). Эти понятия в некоторых отношениях даже более универсальные, чем классы, поскольку об элитах можно говорить и для доклассовых обществ. Ведь часть людей всегда имеет больше прав в отношении власти и управления, чем остальные. Вероятно, в этом смысле нужно понимать утверждение Г. Моска, что «во всех обществах... существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых»⁷⁷.

Объективная сторона такого деления заключается в том, что «в любой большой и сложной системе защита стандартов необходимо должна сосредоточиться в руках сравнительно небольшого количества людей, обладающих ценностями и умением; без элит не обойтись»⁷⁸. Элиты и их типологии достаточно разобраны различными теоретиками, так или иначе касающимися идеи «массового общества», весьма популярной одно время.

Но субъективная сторона дела состоит в том, что, как и класс, это во многом теоретическое понятие, в зависимости от нашего угла зрения приобретающее более или менее широкое значение. Иногда какие-то единицы (особенно, если они «закрепленные») или их части тесно совпадают с представлением об элите (аристократия, высшая бюрократия и пр.). Иногда это понятие размыто или на первый план выходит не столько элитарность, сколько другие характеристики. Так же и совпадение элитарного положения и сознания может быть значительным⁷⁹ или слабым. В первом случае данное понятие ближе к реальности, во втором — дальше. И т.д.

⁷⁷ Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187.

Примерно то же говорит и В.Парето: «Меньшее, что мы можем сделать, — это разделить общество на страты, т.е. на высшую страту, в которой обычно находятся правящие, и низшую страту, где находятся управляемые. Этот факт настолько очевиден, что он в любое время доступен даже малоопытному наблюдателю» (Пит. по: Современная буржуазная политическая наука. С. 24-25).

⁷⁸ Корнхаузер У. Цит. по: Ашин Г.К. Доктрина «массового общества». М., 1971. С. 32.

⁷⁹ «Так как властвующая элита состоит из людей приблизительно одинакового происхождения и воспитания, т.к. их карьера и образ жизни обнаруживают определенное сходство, то единство этих людей имеет под собой психологические и социальные основы...» (Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 86).

Еще более теоретической, но иногда удобной является категория «слой», показывающая как бы вертикальную структуру. Так, в современных обществах очень часто говорят о так называемом среднем слое или классе (в смысле слоя), понятии, обобщающем весьма разношерстные группы, ко тем не менее имеющем и реальные основания.

Таким образом, существует ряд категорий для представления социальной структуры в виде крупных социальных единиц, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Совместить разные подходы удобнее всего, выделяя **главные единицы** для данного общества (периода, типа обществ и т.п.) и оттеняя их менее важными характеристиками. Кроме того, очень желательно при возможности дополнить крупное членение более дробным, что позволит увидеть, насколько выделяемые нами классы, элиты и прочее близки к реальности.

Задержимся еще на рассмотрении понятия «общественный класс», которое родилось в трудах французских историков XIX в. После Маркса в западной науке оно стало довольно популярным и по сию пору в ходу. В свое время П. Сорокин насчитал 32 различных определения классов, и меньше с тех пор их не стало.

Как мы уже видели, Маркс распространил ситуацию, характерную для определенной эпохи, на всю историю. Кроме того, свою теоретическую модель он как бы наделил свойствами реального бытия. В результате появилась более чем неудачная тенденция представлять в стадийно однотипных обществах все классы примерно одинаковыми, что искажало историю и затрудняло ее анализ. Весьма некорректно было также говорить о социальной структуре как о двухклассовой, ибо подобная теоретическая абстракция удобна лишь в ограниченных случаях, поскольку все остальные единицы, по точному замечанию М. Барга, предстают тогда маргинальными⁸⁰.

В западной науке (и в этом моменте она близка к марксизму) есть также тенденция связывать классы прежде всего с чисто

⁸⁰ Барг М. Цивилизационный подход к истории — дань конъюнктуре или требование науки? // Коммунист. 1991. № 3. С. 30.

экономическими отношениями⁸¹. Подобная трактовка классов (и собственности как главного классовобразующего признака) есть следствие политэкономического подхода, слабо пригодного в социологии истории.

Конечно, и в докапиталистических эпохах встречались ситуации экономически чистых классов: ростовщики и должники, землевладельцы и юридически свободные арендаторы, скупщики и ремесленники и т.п. Но гораздо чаще господствовали иные отношения. Поэтому нужно совершенно ясно понимать следующее. Указанный выше подход можно признать правомерным, но тогда поле применения понятия общественных классов будет весьма узким. Если же мы хотим использовать категорию классов как достаточно универсальную (хотя и не всегда главную в социологии истории), то рациональнее связывать их не с экономическими только, а шире — с распределительными отношениями. Хотя бы потому, что в последних участвуют все, а в первых — не все. Правда, поскольку данное понятие характеризует прежде всего внутреннюю структуру общества и поскольку формирование и существование классов требует определенной стабильности, правильнее будет говорить о связи прежде всего с достаточно устоявшимися и важными видами распределительных отношений. Следовательно, можно вести речь и о классе чиновников, характерном для общества так называемого азиатского (государственного, политарного) способа производства и социалистических стран; и о классе жречества там, где оно объединялось в мощные корпорации и занимало важное место в системе распределения. В иных случаях имеет смысл выделять классы ремесленников, купцов, даже данников и получателей дани и т.д. Причем выделение какого-либо класса необязательно требует наличия класса-антагониста.

⁸¹ Вот один пример: «Класс — это группа людей, привилегии которой проистекают из ее роли в производственном процессе и которую отличают общие интересы и общие культурные особенности; классовое общество — это такое общество, в котором доминирует классовая форма стратификации» (*Бергер П.* Капиталистическая революция. С. 66). «Иначе говоря, классовая система означает, что с «деньгами можно добиться всего» (Там же. С.69).

Совершенно очевидно также, что поскольку распределительные отношения сплошь и рядом теснейше увязаны с политическими, идеологическими, военными и иными, постольку очень часто налицо полное или частичное совпадение класса и сословия, группы, элиты, этноса и пр. Ведь различия в распределении связаны не только с местом в производственном, но и политико-административном, культурном и иных процессах. Следовательно, в каждом обществе и классовый состав, и число, и характер классов мог быть весьма своеобразным или даже уникальным, что, разумеется, не мешает нам искать общие черты и сходные типы.

Итак, классами можно считать особые и достаточно крупные социальные единицы, которые отличаются местом в системе распределительных отношений, долей и формой получаемых благ, а также источниками, способами и формами их получения (обладания, контроля и пр.).

Как сказано, классовое деление может сочетаться с сословно-кастовым, этническим и каким-либо иным. При этом роль классовых характеристик будет тем больше, чем менее жестко юридически оформлены такие единицы. И наоборот, чем более закреплено деление, тем больше роль иных единиц, а значит, сложнее применять понятие «класс» для обозначения реальной социальной группы и отождествлять теоретическую конструкцию с фактическим положением дел. Наконец, **чем яснее преобладание именно экономических характеристик в распределительных отношениях, тем четче и важнее классовое деление.** В последнем случае может даже сформироваться классовое сознание, которое в определенной мере как бы цементирует классы, заменяя иные формы сознания и юридические нормы. Однако в целом в рамках социологии истории классовая принадлежность осознается реже, чем иная (этническая, сословная, религиозная и пр.).

Реальная классовая структура более подвижна, чем сословная и ей подобные. Но и она предполагает наличие определенных внеэкономических по преимуществу моментов, закрепля-

ющих классовое неравенство. Если взять буржуазное общество, то там можно увидеть политические и юридические ограничения низших классов, поддерживающие экономическое могущество высших (например избирательный ценз). Если же эти «подпорки» убираются, классы начинают размываться и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы (страты, слои и т.д.).

В социологии значительное место занимает теория конфликтов, согласно которой неравенство «является результатом такого положения, когда люди, под чьим контролем находятся общественные ценности (главным образом богатство и власть), имеют возможности извлекать для себя выгоды»⁸². Соответственно такое воспроизводство неравенства ведет к общественным конфликтам. С этим можно согласиться. Я, кроме того, считаю, что **в определенном смысле соперничество и борьба общественных групп и социальных единиц между собой есть способ их существования, форма общественной жизни.** Однако это никак не означает неизбежность разрушительных и кровопролитных конфликтов. Это в истинности классовую борьбу часто трактовали только как определенные формы борьбы (восстания, революции, стачки и т.п.) угнетенных против угнетателей, то есть очень узко⁸³. Но поскольку «социальные конфликты вырастают

⁸² Смелзер Н. Указ. соч. С.280.

⁸³ Привожу как пример интересное сравнение Каутского. Думается, что правильнее говорить не об отсутствии социальной борьбы на Востоке, а об иных формах ее там, менее организованных и заметных. «В больших государствах Востока, как правило, борьба трудящихся классов за улучшение их участи была невозможна. Хотя там были налицо большие классовые противоречия, однако лишь в исключительных случаях дело доходило до борьбы между высшими и низшими классами...

Совсем иначе дело обстоит в свободных государствах Греции. Здесь мы видим не только наличие классовых антагонизмов к случайные вспышки восстаний, но постоянную классовую борьбу, которая ведется с большой настойчивостью и которая, несмотря на отдельные неудачи, приводит в общем к непрерывному постепенному подъему низших классов, к подъему демократии. Классовая борьба делается здесь жизненным элементом существования государства» (Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.-Л., 1931. Т.2. С. 334-335).

из структуры обществ»⁸⁴, постольку естественно, что в разных обществах они приобретают разную форму от прямой схватки до невидимого соперничества. Социальная (в том числе классовая) борьба, как сказано, есть форма существования групп и классов. Поэтому она обоюдна как со стороны привилегированных, так и принижённых групп. Первые даже чаще могут пытаться изменить ситуацию в свою пользу как более сильные. Во-вторых, поскольку борьба постоянна, обычны более мирные способы: бегство, «волынка», обман, воровство и тому подобное — с одной стороны; обман, пренебрежение правами, манипуляции с законом и тому подобное — с другой. Сказанное, однако, не препятствует нам ни в выделении моментов и периодов социального мира, ни в определении надклассовых и надсоциальных ценностей.

Несколько слов о соотношении цивилизаций и социального деления общества. Нет сомнения, что это тесно связанные моменты. Во-первых, то творческое или «доминирующее» меньшинство», о котором как о важнейшем элементе любой цивилизации говорил Тойнби — имеет социальные характеристики. Либо это жрецы или служители церкви («люди книги»), либо свободные и обеспеченные граждане из высших слоев (в Греции, Риме, Индии). Указанное меньшинство рационально связать с элитарным делением, хотя, конечно, речь идет прежде всего о творческой, а не о военно-административной элите.

Во-вторых, такое разделение труда, позволившее создать высокую культуру, опирается на иерархический и жесткий характер социальной структуры, нередко просто на принудительные работы. Ведь самые зримые достижения, вроде египетских пирамид, могли возникнуть только потому, что «нетворческое большинство» сгоняли сотнями тысяч на стройки.

Если говорить о линиях неравенства в цивилизациях, то все они в качестве важнейшей имели социальную неравноправ-

⁸⁴ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143.

ность, так или иначе закрепленную законами, обычаями или религией. Возможно, наиболее ярко проявилось это в Индии. Однако в некоторых случаях весьма важное место занимало классовое деление (например в городах Греции), в других — отношения с государством, в третьих — с религиозными корпорациями.

(Продолжение следует)